

ЭЛЕНА ТОМСЕТТ

Проклятье рода Ротенбургов

КНИГА 3.
ЭХО ЧУЖОЙ ЛЮБВИ



Элена Томсетт

**Проклятье рода Ротенбургов.
Книга 3. Эхо чужой любви**

«Издательские решения»

Томсетт Э.

Проклятье рода Ротенбургов. Книга 3. Эхо чужой любви /
Э. Томсетт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836304-7

Влюбиться самой — только часть проблемы. Гораздо сложнее, когда мужчины влюбляются в тебя. Да и понимание любви у них несколько отличается от твоего. Потому, что они богаты, или потому, что они иностранцы? И что в таком случае делать бедной девочке из «совка»?!

ISBN 978-5-44-836304-7

© Томсетт Э.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Девочка из провинции	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Проклятье рода Ротенбургов

Книга 3. Эхо чужой любви

Элена Томсетт

Фотограф Элена Томсетт

© Элена Томсетт, 2017

© Элена Томсетт, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-6304-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Девочка из провинции

Глава 1

Я помню Зигмунта Литинского со времени моего первого визита в Баку. Мне было тогда полтора года, ему – почти семь. Пока его мама и моя бабушка, остановившись на улице, обменивались долгими бакинскими приветствиями, он успел прокатить меня по двору на велосипеде. С этого времени он стал моим лучшим другом. Когда мне исполнилось 15 лет, я твердо решила, что он будет моим мужем.

Зигмунт Литинский и его сестра Кристина были нашими соседями по дому в Баку. Вообще-то они, так же как и я, не были аборигенами этого чудесного города. Я приезжала сюда, в основном, на лето из волжского города Саратова, а Зигмунт и Кристина Литинские вместе с матерью – из Риги. У меня в сером облившем четырехэтажном особняке на Монтана жила бабушка, занесенная сюда голодом 30-х годов с Украины, а у них – какая-то дальняя родственница, которая приходилась родственницей и нам. Пани Изольда, мать Зигмунта, относилась ко мне с каким-то смешанным чувством сожаления. Я одна из всех русских девочек была вхожа в их дом. Мне все в нем безумно нравилось: педантичная аккуратность хозяев, чистота сверкающих полов и окон, крахмальные скатерти и даже то, что пани Изольда, немка по происхождению, через день говорила со своими детьми, и со мной, соответственно, по-немецки, для того, чтобы они знали и помнили язык своих предков. Кристина Литинская была на два года старше меня. Эта девочка с бледным восковым личиком, водянисто-голубыми глазами и светло-русыми волосами, подстриженными по плечи, всегда чем-то напоминала мне куклу из магазина игрушек на станции «28 апреля». Она была такая чистенькая, такая воспитанная и манерная уже лет с шести, когда я и познакомилась с нею. В ней не было ничего особенного ни в детстве, ни в юности, но она мнила себя королевой. Потом, несколько позже, когда я из «гадкого утенка», толстой, но шустрой и веселой девчонки, превратилась в красивую стройную девушку, она уступила мне свое превосходство практически без боя. Уступила, потому что на меня обратил внимание ее безответная любовь – несравненный и обожаемый красавчик Эгис Ротенбург.

Ее родной брат, Зигмунт Литинский (их мама была немкой, а отец – поляком из хорошего рода), составлял полную противоположность своей анемичной сестре. Они были похожи, но похожи так, как небо и земля, лед и пламень, я даже затрудняюсь определить эту комбинацию поразительного сходства и различия их внешности и характеров. Зигмунт был красивым высоким стройным светловолосым мальчиком. Он был красивым всегда: и в пять, и в двадцать пять лет, в отличие от меня, которая в пять лет была куколкой с картинки, в пятнадцать – толстой уродливой девчонкой, а в семнадцать – снова куколкой, в которой, однако, в отличие от младенческого возраста, предпочитали видеть уже не «куклечка», а потенциальную стерву.

Сколько я себя помню, мне всегда нравился Зигмунт, который был на пять лет старше меня. В детстве я из штанов вылезала от усердия, стараясь насобирать для него побольше маслин для сражения с соседним двором, была его тенью, его оруженосцем, слушалась его, как бога и не было на свете ничего, чтобы я отказалась сделать, если бы он меня попросил. Он был моим богом, моим кумиром, я скучала по нему долгими зимами в Саратове и с нетерпением ждала лета не только потому, что я поеду к морю, а главным образом оттого, что я встречу в Баку его, мою первую детскую любовь, высокого мальчика со светлыми волосами и обаятельной улыбкой. Не было человека, который бы его не любил. Его невозможно было не любить. Он был такой милый, такой приятный в обращении, такой искренний и такой красивый, что

обо все эти качества вдрызг разбивалась всякая зависть и неприязнь. Я обожала его со всем пылом пятнадцатилетней девчонки, которая, по ее мнению, никогда в жизни не сможет отплатить ему за то, что он, такой красивый, умный и взрослый, не отказывается от общества такой некрасивой толстушки, как я.

Но время шло, и все изменилось.

Я осознала это, прилетев в Баку в очередной раз после окончания школы, когда мне было семнадцать лет. За зиму я сильно похудела, так сильно, что мне пришлось заново составлять свой гардероб. Я появилась во дворе бабулиного дома рано утром, сойдя с аэропортовского автобуса, в белых брюках и красной короткой майке без рукавов, с длинными, до пояса, светлыми волосами, распущенными по плечам и по спине, и произвела неизгладимое впечатление на пани Изольду, вышедшую из подъезда с сумкой в руках с явным намерением идти за хлебом.

Улыбаясь, я поздоровалась. Она не сводила с меня глаз, пытаясь, видимо, определить, кто же эта девочка, а потом, не скрывая своего любопытства, все-таки поинтересовалась, кто я такая. Когда я сказала, она ахнула, прослезилась и, отвечая на мой вопрос о том, приехал ли Зигмунт, взяла с меня обещание, что я зайду к ним сразу же после того, как покажусь бабуле и отдохну с дороги. Бабуле мой вид понравился много меньше. Она ворчала, что я слишком похудела, стала похожа не палку, и все в этом духе. Зато днем, зайдя, как и обещала в гости к Литинским, я была сторицей вознаграждена за все мои страдания в прошлом. Кристина, которая всегда относилась ко мне несколько свысока со снисходительным пренебрежением, как к младшей и недостаточно привлекательной подружке, выглядела такой изумленной моей метаморфозой, что мне хотелось смеяться. А Зигмунт, мой несравненный Зигмунт, который в этом году закончил институт и был распределен врачом в Юрмалу, тоже удивленный, улыбаясь одними глазами, галантно поднес мою руку к губам. Я ужасно смутилась, потому что, помимо обычной лукавинки, в них было что-то еще, я не могла пока понять, что именно, я была еще слишком наивна и неопытна. Пани Изольда наблюдала за нами с чувством тайного удовлетворения, явно отразившегося на ее обычно таком непроницаемом лице.

Дней десять после этого вся наша повзрослевшая дворовая компания отиралась в городе, а потом один из мальчиков, Глеб, точнее, его тетя, предложила нам свой домик в курортном поселке на Северном Грэсе. Перед тем, как продолжить рассказ, я должна пояснить, что отношения между мальчиками и девочками в нашей компании в Баку сильно различались от тех, которые существовали в центральной России. Будучи в походах, мы спали в палатках вповалку, все вместе, мальчики и девочки, мы могли месяцами жить без взрослых, но никогда, ни у кого, не возникало даже мысли воспользоваться этим и переспать друг с другом. Никогда. Точнее, возможно, мысли такие и возникали, но никто и никогда не мог себе этого позволить. Это было табу, подразумеваемое правилами игры в порядочных людей. Возможно, мы были еще слишком молоды и неиспорченны, не знаю. Возможно, во всей компании девочкой из России была одна лишь я, а я воспитывалась под сильным влиянием Баку и моих местных друзей.

На Северный Грэс нас решило отправиться человек десять. Кристина, я, Фатима, девочка-азербайджанка, смуглая, высокая, красивая цыганской восточной красотой, с темными, как вишня, глазами и густыми блестящими волнистыми волосами, и Аза, еврейка из хорошей интеллигентной еврейской семьи, мягкая, добрая, некрасивая, но очень приятная девочка. Из ребят были Зигмунт, мой сосед Глеб, двое братьев-армян, Артур и Грант, оба смуглые, высокие, с белозубыми улыбками. У Гранта были необыкновенные глаза – золотисто-янтарные, прозрачные, лучистые. Наконец, еще один мой хороший приятель с детских лет, потомок знатного грузинского рода – Шалва Ахалцихели, стройный, гибкий как лоза, с чеканными, тонкими чертами горбоносым лицом, горящими как угли глазами под четкими, словно нарисованными черными бровями вразлет, и светлыми, как у истинного грузина (как он говорил) рыжеватыми волосами. Я забыла еще Велту, подружку Кристины, которую она невесть зачем притащила с собой из Риги, и из-за которой, собственно, все и началось.

Когда мы договаривались о поездке на Северный Грэс, выяснилось, что Кристина Литинская ожидала приезда еще двоих ребят, Эгиса и Ивара Ротенбургов, которых она непременно решила утащить с нами, потому что они оба нравились ей на свой манер. Ребята их знали, и никаких возражений с их стороны не было. Зигмунт и Шалва поехали на Грэс первыми, чтобы немного приготовить маленький домик тети Глеба к нашему нашествию, я просилась с ними, но меня не взяли. Тогда от нечего делать я увязалась в аэропорт с Кристиной, встречать Ротенбургов. Велта чувствовала себя слишком плохо при сорокоградусной жаре для того, чтобы совершить эту утомительную прогулку. Мы с Кристиной поехали вдвоем.

Надо сказать, что я знала двоюродных братьев Кристины – Эгиса и Ивара Ротенбургов не только понаслышке. Я была довольно хорошо знакома с ними обоими. Как и многие в нашем бакинском дворе, они были бабушкиными «внуками на лето», рижанами, как и семья Литинских. Ивар, младший, был мне даже в некоторой степени симпатичен. Ему нравилась Кристина, об этом знали все – весь двор и все родители. Пани Изольда даже иногда в шутку называла его «зятем». Их будущий брак с Кристиной был делом почти решенным. Эгис Ротенбург оставался в моей памяти чем-то противным. Он был очень красивым. Я это помнила. И обладал всем набором качеств, который обычно сопровождает такого рода парня, избалованного вниманием окружающих и особенно девочек. Он был самовлюблен, надменен, презрительно смотрел на нас, «мелюзгу», толкавшуюся под ногами, и одного этого было для меня достаточно, чтобы его не любить. Поскольку я росла хулиганкой, а он впоследствии превратился в красивого темноволосого мальчика с ослепительной улыбкой, признанного ловеласа, который менял девочек, как перчатки, то в свои десять-двенадцать лет я с друзьями получала неизмеримое удовольствие, обрызгав его и его девочек из водяных пистолетов, в то время, как они имели несчастье проходить по нашему бакинскому двору. Меня лично он никогда не задирает, потому что не хотел ссориться с Зигмунтом, с которым у него были прекрасные отношения. Зигмунт, пожалуй, был единственным человеком, которого он уважал.

Я вспомнила все это, стоя на освещенной солнцем дорожке перед зданием бакинского аэропорта, со смешанным чувством досады на себя за то, что я увязалась с Крис встречать этого типа вместо Велты. Как я впоследствии узнала, Крис притащила Велту в Баку специально для того, чтобы познакомить со своим красавчиком-деверем. Сейчас они шли нам навстречу, два этих самых Ротенбурга, оба высокие, длинноногие, Ивар с улыбкой, а Эгис с серьезным выражением на красивом, обветренном прогулками по морю лице, обрамленном шапкой хорошо подстриженных волнистых темно-русых волос.

Крис не стала представлять нас друг другу. С чего бы это? Все и так давным-давно знакомы. Они с Иваром чуть коснулись губами щек друг друга и занялись разговорами, а красавчик Эгис Ротенбург уставился на меня со странным выражением и внезапно поздоровался на латышском языке. Вообще-то, я не полиглот по натуре. По-немецки я говорю потому, что меня научили у Литинских, но за все время общения с этой семьей я ни слова не могла сказать по-латышском, хотя это был второй язык в доме. Но, как часто бывает, хотя я не говорю на этом языке сама, я понимаю, когда на нем говорят другие, не все, конечно, но в общих чертах. Так же, кстати, как и на азербайджанском. Поэтому я хоть и удивилась его латышскому приветствию, но ничем не выразила своего удивления. Склонила голову, принимая его и все. Мало ли что придет в голову человеку? А он продолжал в том же духе, не на секунду не закрывая рта все время пока мы шли к остановке автобуса на Монтина. Он шел рядом со мной, обращался ко мне, я уже давно перестала понимать, о чем он говорит, но молчала, слушала его и думала, кто из нас сошел с ума, я или он. Впрочем, когда он пару раз назвал меня Велтой, я стала догадываться, в чем дело, но эта игра настолько увлекла меня, я представила его вытянутую физиономию после того, как он узнает, кто я на самом деле, что я решила еще немного развлечься.

Наконец, мы усадились в рейсовый автобус, он тронулся с места, Кристина с Иваром, которые расположились на сиденьях в салоне автобуса впереди нас, обернулись к нам, и мы стали болтать уже вчетвером, естественно, по-русски. Пани Изольда строго приучила детей не говорить на языке, которого не понимает хотя бы один человек из компании. Болтали просто так, не помню уже о чем, о всяких пустяках, о том, теплая ли вода в море, где мы будем жить на Грэсе, в палатках или в домике, и все в том же духе. Через какое-то время несравненный и неподражаемый кумир Кристины Эгис Ротенбург, вероятно, желая сделать мне комплимент, сказал с удивлением:

– Вы прекрасно говорите по-русски, Велта. Даже никакого намека на акцент!

Ивар и Кристина так и покатались со смеху.

Эгис чуть нахмурил свои четкие брови и вопросительно смотрел на них.

– Еще бы! – наконец справившись с приступом распивавшего ее смеха, почти простонала Кристина. – Это ее родной язык!

– Родной?! Велта!

Он требовательно посмотрел на меня, вероятно, желая прекратить глупые шутки. Все-таки этот парень очень хорош собой. Я никогда еще не видела такого красивого мужчины. Но я осталась совершенно спокойна, я прекрасно знала, что за личность скрывается под этой обворожительной внешностью, мое детство нельзя было обмануть или очаровать.

– Позвольте представиться. Меня зовут Елена, – весело сказала я, улыбаясь прямо в его красивое лицо. – Или, если вспомнишь, Аленка, Лешка, как называл меня твой двоюродный брат Зигмунт.

– Зигмунт? – в его глазах читалось бесконечное удивление. – Так значит, ты та самая девочка, которая вечно таскалась за ним по пятам, тот самый... – он внезапно осекся.

– Тот самый «бегемотик», как ты меня ласково называл, – закончила я его фразу за него с улыбкой.

Он сидел с ошарашенным видом, по очереди оглядывая нас с Кристиной и Иваром, словно надеялся, что все это розыгрыш и сейчас все снова встанет на свои места – я окажусь Велтой, и не будет больше и тени того неуклюжего медвежонка по имени Лешка, который столько лет жил в его памяти. Но чуда не произошло. И он медленно начал это понимать. Покусывая свою пунцовую, чуть припухшую нижнюю губу от досады, он снова повернулся ко мне, его взор все время тянуло ко мне, как магнитом.

– Почему же ты мне сразу об этом не сказала?

– О чем? – наивно удивилась я. – Ты ни о чем меня не спрашивал.

– Почему ты не остановила меня? Я говорил, а ты молчала!

Он старался говорить как можно холоднее, старался рассердиться на меня, но не мог. Я почувствовала это каким-то шестым чувством, это было ощущение, которого невозможно передать. Я знала, что это так, и все.

– Извини, я не понимала, что ты говорил. И не хотела тебя перебивать, меня с детства учили, что это невежливо.

Крис и Ивар откровенно потешались, а его, казалось, не волновали их насмешки, он говорил только со мной. Слегка прищуривав темные глаза, он с недоверчивым удивлением спросил:

– Ты и в самом деле совсем ничего не поняла из того, что я говорил?

– Ни слова, – рассмеялась я. – Кроме приветствия.

Он внезапно тоже улыбнулся:

– Хочешь, я повторю тебе все, что говорил, по-русски?

– У тебя такая хорошая память? – поддела его я.

– Не настолько, – он остался невозмутим к прозвучавшей в моем голосе насмешке. –

Но когда я смотрю на тебя, мне хочется повторять это снова и снова, это невозможно забыть:

ты – очень красивая девочка, в тебе есть давно угасшая во многих искра самого ценного в женщине – твоя женственность. Это очень много, поверь мне, Елена.

В его голосе появилась какая-то мягкость и вкрадчивость, которая почему-то напомнила мне кота у бабулиных соседей, необычайно красивое и грациозное животное, в движениях которого всегда чувствовалась хищная обманчивая мягкость. Эгис был похож на него, такой же красивый и такой же хищный. Он обладал тем же свойственным всем мужчинам в своем роду особым врожденным обаянием, только обаяние Зигмунта было светлое, лучистое, у Ивара – мягкое, словно фосфоризирующее, а у Эгиса оно напоминало слепящий блеск новогоднего фейерверка, наверное, потому, что он был очень хорош собой.

Подобная тирада, исходящая из его уст, заставили меня удивиться.

– Неужели я так изменилась за последний год? – я вовсе не притворялась, он напрасно пожирал меня своим пронзительным взглядом.

– Просто поразительно! – наконец медленно сказал он, отворачиваясь от меня, чтобы взглянуть на мелькавший за окном пейзаж и заодно скрыть свое явное замешательство.

Я в это время исподтишка рассматривала его сквозь полупущенные ресницы. В этом году ему должно было быть лет двадцать пять, не меньше. Он был уже взрослый, на мой взгляд, сформировавшийся мужчина, красивый, самоуверенный, словом, такой, каким любят описывать в романах героев-любовников. Честно говоря, мне льстило, что он обратил на меня внимание. И я откровенно провоцировала его, причем, это получалось у менс непроизвольно, я не думала о том, что делала. Увлечшись своими мыслями, я прозевала тот момент, когда он оторвался от созерцания пейзажей за окном и вновь взглянул на меня. Я очнулась только тогда, когда он положил свою ладонь на мою руку, чтобы привлечь внимание.

– Елена!

Я вздрогнула, отдернула руку и испуганно уставилась на него.

– Извини, я задумалась, – сконфуженно пробормотала я в ответ на его улыбку.

– Послушай меня, девочка, – он наклонился ко мне ближе, я совсем рядом с собой увидела его блестящие внимательные темные глаза, тонкий ровный нос и пленительную улыбку на пунцовых, безупречно очерченных губах. Его волосы почти коснулись моих волос, я чувствовала запах его одеколona, а его слова были удивительно просты и безыскусны: – Ты поразила меня с первой минуты, как я тебя увидел. Ты выйдешь за меня замуж, малышка?

– Нет! – сказала я так поспешно, что он не знал, обидеться ему или снова улыбнуться.

Он выбрал последнее.

– Я говорю очень серьезно, Елена. Подумай об этом. Если ты согласишься, я поговорю с твоими родителями, и ты сможешь уехать со мной в Ригу уже через месяц.

«Что там думать, кретин!», хотелось заорать мне ему в ответ, но я продолжала развлекаться. Хлопая своими длинными мохнатыми ресницами, я скромно сказала, что не могу сейчас ответить ему вот так сразу, неподумав. Он и не настаивал. Тем более, что, к счастью, автобус вкатил в маленький азербайджанский поселок на берегу моря, который русские окрестили как Северный Грэс. Возле станции уже стояла толпа наших общих друзей. Крис и Ивар выскочили первыми, я немного замешкалась и, спустившись со ступенек автобуса, тут же оказалась в дружеских объятьях Шалвы Ахалчихели, или Князя, как мы его коротко звали из уважения к его знатным предкам. Мы дружили с ним, что называется с горшка, и я его очень любила.

– Генацвале! – радостно кричал он, тормоша меня как куклу. – Как, эта красивая, очаровательная дэвушка и есть мой маленький кругленький друг из Саратова? Ай-ай-ай, как время людей меняет! Какая дэвушка! Эти золотые волосы, длинные ножки, ах, какие ножки! Зачем ты одела брюки, дорогая? Для твоей изумительной фигурки больше подходит бикини. Ты настоящая красавица, генацвале, я надеюсь, ты не забыла меня и все то, чему я тебя учил?

Я со смехом повисла у него на шее, расцеловала его в обе щеки, так как еще не видела его по приезде в Баку этим летом, затем, выскользнув из его рук, подошла к Зигмунду.

– Как дела, малыш? – весело, по привычке, спросил он.

– Я скучала без тебя.

– Я тоже.

Радостно цапнув его за руку, я потащила его к морю, крикнув остальным:

– Крис, Ивар, Шалва, пошли купаться! Я еще ни разу в этом году не купалась в море!

Пока все расчухивались, мы с Зигмунтом быстро стянули легкие летние брюки, майки и, побросав их на песок, как дети, схватившись за руки побежали в воду. Нас быстро догнал Шалва, тоже уже в одних плавках, подхватил меня за вторую руку, я взвизгнула и повисла на их руках, и они со смехом потащили меня дальше в воду, осыпаемые тучей брызг от моего барахтанья. Вскоре вода уже буквально кипела от резвившихся в ней великовозрастных лбов.

Чуть попозже я вылезла на берег, чтобы хоть немного обсушиться перед походом к домику Глебовой тети и суметь натянуть брюки, а не плюхать по жаре в одном мокром купальнике и сгореть до костей в первый же день. Я выжала свои длинные светлые волосы и, овеваемые легким морским бризом, они обещали высохнуть мгновенно.

Вслед за мной на берег вылез Эгис Ротенбург, умудрившийся почти не замочить свою шикарную темно-русую шевелюру. Пока он отряхивался от воды, как мокрый пес, и вытирался, я снова, посмотрев на него, машинально отметила, как он хорошо сложен: высокий, длинноногий, с широкими плечами и узким поясом, на его теле не было ни капли лишнего жира или слишком уж выпирающих узлов мускулов, уродующих культуристов. Пожалуй, кожа его была слишком бледной и нежной для юга, но жара и море быстро придадут его телу шоколадный оттенок и выцветят его шевелюру. Сама я к концу лета обычно превращалась в негатив – загорала почти до черноты, а волосы от морской воды и солнца выцветали добела.

– Ты так быстро вылезла из воды, Лорелея, – насмешливо сказал Эгис, бросая полотенце прямо на песок и обращаясь ко мне. – На тебя не похоже.

– А ты-то что вылез? – не осталась в долгу я. – Девочки еще плещутся. Помнится, ты всегда сидел в воде до тех пор, пока можно было потискать хоть последнюю из оставшихся!

– К чему такой цинизм, дорогая! – в тон мне отвечал он тут же. – С прошлым покончено навсегда. Я нашел ту женщину, которая отныне заменит мне всех остальных. Кроме нее, мне никто больше не нужен.

– Какая патетика! – закричал подбежавший Шалва, набрасываясь на полотенце и растирая себя так, что брызги летели во все стороны от его смуглого, продубленного морем и солнцем тела. – Он что, признается тебе в любви, генацвале?

Я кивнула.

– Скажи ему, что он опоздал! – стукнул себя кулаком в грудь Шалва. – Ты – моя, моя несравненная птичка, мое маленькое дитя, моя драгоценная жемчужина, царевна из царевен, красавица из красавиц!

– Остановись! – я шлепнула его по спине мокрым полотенцем.

– Ах, какая невежливая дэвушка! – тут же запричитал он. – И подумать только, я сам учил ее истории, и что получил взамен, а? Никаких тебе больше сказок, генацвале!

– Пощади! – я рухнула на колени на песок, благо мой купальник уже высох. – Лучше убей, жестокий, только не лишай меня их!

– Встань, женщина! – с холодным достоинством сказал он, протягивая мне руку, чтобы помочь подняться. – Я прощаю тебя! Но всегда помни о моем великодушии!

Я зацепилась за его руку и изо всех сил дернула его на себя. Он кубарем свалился рядом со мной на песок, весь перепачкался, я тут же с визгом отпрыгнула от него подальше, он скорчил страшное лицо, словно собираясь догнать и проучить меня, но потом передумал и с ворчанием побежал вновь в воду, чтобы отмыться.

– Как я посмотрю, вы тут веселитесь всюду, – заметил Эгис, вновь очутившись рядом со мной.

– Он очень милый, правда? – помахав рукой улыбавшемуся мне из воды Шалве, сказала я вместо ответа.

– Ты еще совсем девчонка.

В его голосе прозвучала какая-то затаенная нежность.

Я хотела ответить ему как-нибудь понаглее, но слишком долго соображала, что именно – он отошел в сторону, а Зигунд и Шалва уже выгоняли всех из воды, чтобы успеть засветло добраться до пляжного домика на Северном Грэсе.

Всю дорогу я прошагала между Шалвой и Зигмунтом. И тот, и другой были очень внимательны ко мне. А я спиной ощущала на себе внимательный изучающий взгляд Эгиса Ротенбурга.

За последующие десять дней на Северном Грэсе он не давал мне проходу. Везде, где бы я ни появлялась, он оказывался рядом со мной – красивый, гибкий, загорелый, с неизменной улыбкой на губах.

В первый же день, случайно очутившись возле домика, где жили ребята, в неурочный час, когда все остальные купались на пляже, я внезапно услышала голоса Зигмунта и Эгиса и, не в силах сдержать любопытства, тихонько подошла ближе, чтобы услышать, о чем речь. Они говорили обо мне. Я отчетливо слышала спокойный, с легким жестковатым прибалтийским акцентом голос Эгиса, который говорил:

– Ты знаешь меня, малыш. За эти десять лет, которые я вышел из младенческого возраста наивных мечтаний о Прекрасной Даме, я не пропускал ни одной юбки. И у меня никогда не возникало желания остановиться, выбрать одну из всех, в конце концов, жениться. Никогда до сегодняшнего дня. Мне нужен твой совет. Ты лучше меня знаешь твоего верного «оруженосца» Лешку, Аленку, Елену, у меня просто язык не поворачивается назвать ее теперь мальчишеским именем. Я хочу жениться на ней. Что ты на это скажешь?

После долгого молчания Зигмунт задумчиво сказал:

– Она еще ребенок, Эгис.

– Ты не прав, малыш, – в хриловатом голосе Эгиса послышалась легкая насмешка. – Она уже взрослая девушка, правда, она еще сама толком не понимает, какая грозная сила таится за ее внешней женственностью и привлекательностью. Когда она немного подрастет, она будет сводить мужчин с ума.

– Ты преувеличиваешь.

– Нисколько. Ты еще сам не понял, что произошло. Берегись, Зигмунт, не вздумай влюбиться в свою Галатею! Рано или поздно она станет моей женой. Я не отступлюсь. О такой женщине я мечтал всю жизнь: с ней невозможно соскучиться, она все время разная, все время меняется, меняется на глазах, переливается, словно северное сияние.

– Ты поэт! – сухо заметил Зигмунт. – Но я тебя предупредил. Она слишком мала, да и слишком наивна для тебя.

– Роковые женщины у меня уже в печенках сидят. Они все на один манер.

– И теперь тебе захотелось свежатинки?

Обычно такой спокойный Зигмунт был явно раздражен.

– Я не понимаю, ты что, ревнуешь, что ли? – удивление прозвучало в холодноватом, по обыкновению, голосе Эгиса.

– Я не хочу, чтобы ты испортил девочке жизнь.

– Я хочу на ней жениться, понимаешь? И намереваюсь жить с ней всю жизнь, в печали и радости, в болезни и здравии...

– Замолчи, ради бога! – перебил его Зигмунт. – Как ты можешь такое говорить? Ты же сам переменчив, как хамелеон! Сегодня ты влюблен, завтра холоден, как можно так играть человеческими чувствами, не понимаю.

– Это серьезно, малыш, – снова повторил Эгис.

– У тебя каждая интрижка начинается, как любовь века. Делай, что хочешь, но Лешку не трогай.

– Ты оставляешь ее для себя?

– Хотя бы и так.

Мое сердце сладко замерло, а потом застучало с удвоенной силой, так, что я слышала биение пульса почему-то где-то в глубине моего горла.

– Я отвечаю за нее, – продолжал тем временем Зигмунт. – Она мне как младшая сестренка.

– Сестренка? – Эгис рассмеялся. – Бедный малыш! Я зря затеял с тобой этот разговор. Ты сам уже влюбился в нее по уши, как и ваш славный грузин, Шалва, кажется? Малышка здорово влипла. Впрочем, это ваши внутренние трудности. Меня они не касаются, разбирайтесь сами. Но, Зигмунт, я предупреждаю тебя, не вздумай использовать свое влияние на Елену, чтобы испортить ее отношения со мной. Я не уступлю.

– Какие отношения? – я слышала, как Зигмунт вздохнул. – Что ты несешь, Эгис? Какие у вас могут быть отношения? Ты второой день, как ее увидел.

– Я уже сделал ей предложение.

– Ты-ы?! Предложение? – выдохнул Зигмунт почти шепотом, но постепенно голос его напрягался, как струна. – Ты с ума сошел! И что она ответила?

– «Нет!», если ты так хочешь знать, – сказал Эгис со смехом. – Но я и ожидал нечто подобное. Такая девочка стоит терпения! Я подожду.

– А если я предложу ей выйти замуж за меня? – медленно сказал Зигмунт с расстановкой на каждом слого, – и она согласится, тогда что?

– Ты не сделаешь этого, – спокойно возразил Эгис.

– Хотел бы я знать, почему?

– Ты еще не готов жениться, даже если и влюблен.

Послышались чьи-то шаги по направлению к домику, и я поспешно юркнула в кусты, а потом изо всех сил, обжигая ступни ног о горячий песок, побежала по пляжу к воде, на звук раздававшихся оттуда веселых воплей и криков. Я только успела стащить сарафан и кувырнуться на песок, как тут же увидела приближающуюся к берегу высокую фигуру Эгиса. Я натянула панамку, прикрывавшую мне лицо от солнца, ниже на глаза и сделала вид, что мирно загораю здесь уже долгое время, ожидая, что же он будет делать. Наши резвились неподалеку в воде, как стая морских котиков.

Этот донжуан не заставил меня долго ждать. Не успела я и глазом моргнуть, как он уже плюхнулся на песок рядом со мной и, приподняв кепку, заглянул мне в лицо.

– Барышня, вы не изжаритесь заживо? – вкрадчиво спросил он.

Совсем рядом с собой я увидела его красивое лицо, густую шевелюру волос, темные подрагивающие ресницы, из-под котровых мягко светились приглушенным блеском прищуренные темные глаза, чувственные губы, оказавшиеся почти возле моего рта. Он словно играл со мной в игру, смысл которой я пока не понимала. Ощущение от близости его теплого от солнца гладкого загорелого тела рядом с моим телом, запах его пахнувшей морской солью кожи пробудили во мне какое-то странное тревожащее впечатление, не неприятное, но какое-то пугающее.

Внезапно мне захотелось, чтобы он меня поцеловал. Это желание, видимо, непроизвольно отразилось в моих глазах, потому что он еще ниже наклонился надо мной, так, что наши тела почти соприкоснулись и сказал, глядя прямо мне в глаза, так, что его губы, когда он говорил, почти касались моих:

– Вы подумали над моим предложением, барышня?

Его длинные гибкие пальцы неожиданно коснулись моего бедра, я вздрогнула и взглянула ему в глаза, тогда он наклонился и поцеловал меня, в то время как его рука заскользила вдоль моей талии по бедру до колена.

Я вскочила, как ошпаренная. В двух шагах от нас стоял Зигмунт и сурово смотрел прямо в мои растерянные, мечущиеся в разные стороны глаза. Чтобы не видеть в них немого укора, я отвернулась от него и побежала к морю, буквально упав в крепкие объятия Шалвы, который вытолкнул меня на поверхность воды, как поплавков, и сунул в руки мяч, которым они играли в водное поло.

Отдых был испорчен полностью. Все последующее время на Северном Грэсе я старательно бегала от Эгиса, а Зигмунт с таким же усердием избегал меня. Если бы не Шалва с его неизменным оптимизмом и жизнерадостностью, я бы уже давно сбежала домой.

Глава 2

Когда мы вернулись в город, я испытала несказанное облегчение. Целыми днями я загорала, валяясь на балконе у бабули и читая книги, выходя на улицу только для того, чтобы сходить за хлебом или за молоком. Я ждала, что Зигмунт сам придет ко мне, мы поговорим, как в прежние времена, и все наладится, мы забудем про эту отвратительную сцену и выкинем его красавчика-кузена из нашей жизни раз и навсегда. Но он все не шел и не шел. Я подождала еще неделю, а потом отправилась в гости к Литинским сама.

– Говорят, – сразу же с порога, как говорится, в лоб, спросила меня пани Изольда, никогда не любившая уверток, – Что старший Ротенбург сделал тебе предложение?

– Да я-то тут причем! – с неожиданной для самой себя горячностью живо отреагировала я. – Он сам ко мне прицепился! Он еще не убрался отсюда, кстати? А то я уже устала ждать!

– Нет.

Пани Изольда вздохнула, и ее напряжение как-будто бы спало.

– А где все? – невинно поинтересовалась я, так как в квартире стояла непривычная тишина. – Кристина, Зигмунт...

– Они на пляже.

– На Шихово?

– Нет. По-моему, где-то дальше. В Бельгя, – рассеянно сказала она.

– В Бельгя! – почти закричала я. – Это же мой любимый пляж! Почему они не взяли меня с собой?

– Откуда я знаю. Вас, молодежь, иногда не разберешь! Я то, честно говоря, думала, что ты развлекаешься где-то со своим красавцем-женихом.

– Никакой он мне не жених! – шмыгнув носом из-за набегавших на глаза слез обиды, сдавленно сказала я. – Этот ваш красавчик Ротенбург сказал Зигмунту, что хочет на мне жениться, и Зигмунту это не понравилось. Непонятно почему! Ведь сам он за все эти десять дней даже десяти слов мне не сказал. Как будто бы я в чем-то виновата!

– Ну ладно, не реви, – пани Изольда повысила голос. – Чего ты разошлась? Милые браются – только тешатся. Пошли лучше со мной по магазинам. Бабка то, небось, в скверике сидит с подружками, да? Делать тебе все равно нечего.

Я вздохнула и послушно поплелась вслед за ней. Когда мы вернулись домой, вся компания уже расположилась на балконе Литинских и, весело пересмеиваясь, ела огромный красный арбуз. Зигмунт, не поднимая глаз, сказал мне: «Привет, малыш!» и снова углубился в это жутко содержательное занятие. Однако я не собиралась так легко сдаваться. Сделав вид, что ничего не произошло, я уселась есть арбуз вместе с ними, а немного погодя подловила Зигмунта, когда он мыл руки в ванной комнате.

– Ты сердисься на меня? – прямо спросила я, глядя на его отражение в зеркале над раковиной.

Я стояла чуть сбоку за его спиной.

– Ничуть.

Он закрыл кран, обернувшись, вытянул из-за моей спины полотенце и стал вытирать руки.

– Зигмунт, – набравшись смелости, я подошла к нему вплотную, положила ладони на его плечи и заглянула ему в лицо. – Ты больше не любишь меня, да?

Ему пришлось посмотреть на меня. На какую-то секунду его светлые глаза еще хранили прежнее отчужденное выражение, а затем в них снова засиял мягкий искристый свет, а его губы чуть дрогнули в такой знакомой пленительной улыбке, которая всегда сводила меня с ума.

– Как можно не любить тебя, малыш.

– Ты не отдашь меня ему, правда? – я пытливо разглядывала его лицо. – Я ведь не вещь. Я очень люблю тебя, и мне было очень больно, когда ты не хотел разговаривать со мной. Я не виновата в том, что произошло на берегу. Я не виновата в том, что этот кретин вздумал на мне жениться. Не отдавай меня ему, пожалуйста!

– О чем ты говоришь, глупыш! – он порывисто прижал мою голову к своей груди.

Я строптиво высвободилась и вновь заглянула ему в глаза.

– Ты меня не отдашь? – снова повторила свой вопрос я.

– Если ты только сама этого не захочешь.

– Я не хочу! Ты больше не будешь бегать от меня? Почему все не может быть, как прежде? Я так скучала по тебе весь год, так ждала нашей встречи, а ты, ты словно не рад, что приехал!

– Ты просто маленькая дурашка, – он взял меня за руку и притянул к себе. – Разве ты не заметила, какой красивой ты стала? Я просто боюсь тебя теперь.

– Ты? – удивилась я. – Ты же всегда говорил мне, что я буду красивой, когда вырасту.

– Ну, – он улыбнулся. – Это была своего рода психологическая помощь.

– Ты не верил в то, что врал для меня? – возмутилась я. – А я так старалась, так хотела стать красивой для тебя!

– Тебе это удалось.

– Я теперь тебе нравлюсь? Раньше я была такой толстой уродиной, что мне самой было смотреть на себя противно!

– Вот болтушка.

Он нежно сдул с моего лба упавшую на глаза прядь волос.

– Зигмунт, – тихо сказала я, касаясь его руки своими вздрагивающими пальцами. – Ты можешь сделать мне одолжение?

– Какое одолжение?

Между нами внезапно прошли волны неуловимого напряжения, словно от нависавших проводов электровольтки возле моего дома в Саратове.

– Поцелуй меня, пожалуйста, – я не отрываясь, смотрела прямо ему в лицо. – Пожалуйста. Я словно никак не могу отмыться от его губ, – я осеклась, не желая продолжать, надеясь, что он поймет, что я имела в виду.

Он понял, я видела, как изменилось его лицо.

– Если тебе очень противно, – набравшись мужества, начала я, но не закончила.

Его губы на секунду мягко коснулись моего рта, я почувствовала холодок его зубов, но все тотчас окончилось. Он отстранился от меня и вышел в коридор. Я стояла, как оглушенная, и глупо таранилась на свое отражение в зеркале.

Последние две недели до конца лета мы не отходили друг от друга, вместе ездили на пляж, купались, загорали, вместе ели мороженое и бродили по набережной. Между нами установилась какая-то невидимая связь, но он не торопился переводить ее в какое-либо иное русло, кроме прежних дружеских отношений, и временами меня охватывало отчаянье, что он никогда, никогда не полюбит меня иначе, чем своего маленького друга Лешку, так нуждавшегося в его внимании много лет назад.

Перед отъездом я снова зашла к Литинским, чтобы проститься со всеми до следующего года. Крис и пани Изольды не оказалось дома, а Зигмунт сидел на веранде и читал какой-то толстенный учебник.

– Я уезжаю! – едва поздоровавшись, выпалила я. – Через два часа у нас с отцом заказано такси. А вы?

– Мы уедем дней через пять, – спокойно сказал он, отрываясь от книги.

– Ты приедешь на следующий год?

– Наверное. Только попозже, мой отпуск начнется где-то в середине июня. Надеюсь, ты не бросишь институт сразу же на первом курсе? Хотя бы ради меня.

– Нет, конечно. Я буду очень скучать по тебе.

– Я тоже.

– Может быть, ты приедешь ко мне в гости на зимние каникулы? Я познакомлю тебя с моей мамой.

Он мимолетно улыбнулся и прикрыл глаза, словно безмолвно соглашаясь, но потом все-таки сказал:

– Конечно, приеду, если получится. Спасибо за приглашение.

Я вздохнула.

– Я пойду. А то отец и так, наверное, ругается, что я исчезла.

– Счастливо тебе, малыш.

Он был абсолютно спокоен, очень спокоен и напряжен. Возле дверей он неожиданно окликнул меня.

– Секунду, малыш.

Я смотрела, как он приближается ко мне и мое сердце ликовало. Мне казалось, что он обнимет меня, поцелует и оставит с собой навсегда, увезет к себе домой, в Ригу, и мы с ним никогда больше не будем расставаться. Но он просто надел мне на шею цепочку с иконкой с надписью на немецком языке. Если бы мы знали тогда, что видим друг друга в последний раз! Эту иконку я носила, не снимая, долгие восемь лет, и потеряла накануне своего замужества. Звенья тонкого замочка серебрянного шнурка ослабли и разошлись, и цепочка просто соскользнула с моей шеи, в то время как я даже не подозревала об этом, унеся с собой даже тень памяти о моей первой детской любви, память о которой будет преследовать меня вечно.

Этот год, первый год моей студенческой жизни и последний год жизни Зигмунта, пролетел мгновенно. Быстрая метаморфоза, произошедшая со мной и превратившая меня из неуклюжего подростка в красивую девушку, подействовала на меня опьяняюще. На меня стали обращать внимание мальчики, я разбаловалась, стала развязнее, постепенно начала кокетничать, улыбаться, но, тем не менее, всегда строго помнила об определенной черте, выходить за которую я не должна, потому, что хотела сохранить себя для Зигмунта. И не только сохранить, а получить его любовь и уважение. Некоторым образом, я даже практиковалась на этих несчастных мальчиках, которым я нравилась, практиковалась в умении разжечь в сердце мужчины пожар. В своей наивности я не понимала, что пожар в крови мужчины даже разжигать не надо, он всегда тлеет под покровом его плоти, а любовь, любовь – это что-то совсем другое, это то, что дается раз в поколение только избранным. Я не была в их числе.

Накануне лета, весной, незадолго до сессии, в Саратов случайно, по дороге домой заехал Шалва. Он подрабатывал где-то на Севере, был уже довольно денежным человеком для нашего времени – шел первый год так называемой «Горбачевской перестройки». Шалва всегда очень тепло относился ко мне, любил как свою маленькую сестричку, кавказцы могут так относиться к девочке, девушке, которая нравится им, просто нравится, и все. Он пригласил меня вместе с Крис и ребятами на лето к себе в Тбилиси, посмотреть на тот хорошенький домик на берегу моря, который он построил себе на заработанные денежки. Конечно же, я согласилась! Лето на побережье Черного моря для человека со студенческой стипендией, это была неслыханная удача! К тому же, я тоже любила и уважала его как старшего брата, он «подарил» мне свое безумное увлечение историей, которую я отныне изучала в университете. Словом, у меня не было причин отказываться, но если бы я знала, чем обернется для меня этот «черноморский курорт»!

А произошло следующее. Крис, которая тоже получила подобное предложение, по какой-то таинственной причине не сказала о нем брату, а проболталась своему красавцу-кузену, в которого она была всегда по уши влюблена, и упомянула о том, что я тоже приеду в гости к Шалве. Зигмунт и Шалва всегда были в прекрасных отношениях. Но как свойственно в юности, оба они хотели быть непререкаемыми авторитетами для «младших», и между ними на этой

почве всегда шла подспутная, часто даже явно неосознанная борьба. В данном случае речь шла одновременно и о «младших», и обо мне лично. Положение усугубило и то, что сам Зигмунт такого предложения от Шалвы не получил. Поэтому небрежное замечание Эгиса Ротенбурга об этой «веселой компании» прозвучало для него чуть ли не оскорблением. Я думаю, как впрочем, и пани Изольда, что к тому времени Зигмунт уже понял, что влюблен в меня и перестал с этим бороться. Если бы о нашем планируемом путешествии он узнал от матери, от Кристины или от меня, то он бы не воспринял это таким образом. Я до сих пор клянусь себя за то, что я не предупредила его, но я просто хотела сделать ему сюрприз, в последний момент удивить и обрадовать его тем, что мы проведем вместе месяц в солнечной Грузии, на берегу Черного моря, одни, без постоянного ненужного и раздражающего надзора родителей.

Но этого не произошло. Напротив, события развивались по какому-то глупому сценарию из дурацкого фильма ужасов, когда ты не можешь знать и понимать, какие причины на самом деле управляют поведением людей. Почему, например, после разговора с Эгисом Ротенбургом Зигмунт сел на мотоцикл и поехал из Юрмалы, где он работал, в Ригу, для того, чтобы сесть на самолет до Саратова и пока не поздно, остановить меня? Кроме того, никто толком не знал, что именно сказал Эгис Ротенбург Зигмунту. А я твердо убеждена, что он сказал ему нечто большее, чем запомнила Кристина. Нечто, что заставило такого спокойного и рассудительного Зигмунта через два часа после этого разговора сорваться в аэропорт.

Шел дождь, асфальт был мокрый, Зигмунт торопился – и произошло то, что должно было произойти: на очередном повороте мотоцикл занесло, он не сумел справиться с управлением и разбился насмерть, припечатавшись к кузову идущего впереди грузовика-рефрижератора.

Глава 3

Честно говоря, я плохо помню, как мне удалось пережить последующие два года. Всю вину за смерть Зигмунта наши общие друзья, кроме пани Изольды и Кристины с Эгисом, возложили на нас с Шалвой. О том, кто и в какой форме преподнес информацию Зигмунту, никто, конечно, не вспоминал. Не красавчик-Эгис Ротенбург во всем виноват, в самом деле! Со мной перестали здороваться некоторые знакомые, я жила, как зачумленная. Мало того, что я потеряла парня, который был моей первой любовью, так меня же еще и обвинили в его смерти, и в самый трудный момент в жизни от меня отвернулись все. Я бросила университет, я никого больше не хотела видеть. Я хотела умереть. Но отравиться мне казалось глупым, попасть в аварию не получалось, к тому же долго сидеть на одном месте и ничего не делать я не могла. Чтобы как-то избавиться от своеобразного остракизма со стороны друзей, я переводом поступила в другой институт, надеясь, что там, где меня никто не знает, я смогу постепенно начать свою жизнь заново.

Но оказалось, что я внезапно потеряла весь вкус к жизни. Мне ничего не было интересно. Мне даже не хотелось уже общаться со сверстниками. Я сидела на лекциях, возвращалась домой и все вечера проводила с книжкой или с подушкой. Прошел год, прежде чем в моей жизни появилась новая знакомая – однокурсница Инна и мальчик с нашего же курса – Сережа Соболев. А немного погодя вновь возникла тень красавца Эгиса Ротенбурга.

Сережа Соболев был высоким здоровым парнем, несколько простоватым и грубоватым на вид. Но он был умен, а временами трогательно романтичен, то откровенно циничен. Ко мне он относился с каким-то невероятным чувством почтительной осторожности, словно к произведению искусства или к поразительно ядовитой змее. Долгое время я просто не обращала на него внимания, но вскоре оказалось, что мы живем по соседству и возвращаемся с занятий на одном трамвае. Помнится, когда я столкнулась с ним впервые у поручней подъезжавшего к моей конечной остановке трамвая, а не на лекции в институте, я удивилась и не очень-то вежливо, не здороваясь, спросила:

– А ты-то что здесь делаешь?

Он посмотрел на меня и спокойно ответил:

– А я вообще-то тут живу. Давно. Вот уже пятнадцать лет.

Я посмотрела на него и неожиданно для самой себя прыснула от смеха. И мы подружались. Честно говоря, я никогда не смотрела на него как на возможного кандидата в мужья. Никогда. На кого угодно, но не на него. Но жизнь распорядилась так, что замуж я вышла все-таки за него. И очень об этом пожалела.

Три года до окончания института мы просто дружили. Вместе ездили в институт и из института, иногда гуляли по набережной. Мне нравилось с ним разговаривать. Он много знал, но не был занудой или заучкой. Как-то раз на набережной мы нос к носу столкнулись с Эгисом Ротенбургом. Помню, меня поразило, что он стал еще красивее, чем был. Казалось, такое уже невозможно, но это было так. Хорошо одетый, невероятно красивый и элегантный, он прошел мимо нас, внимательно посмотрел на Сережу, потом взглянул на меня, улыбнулся мне одними глазами, и как истинный джентльмен, видя, что мне неприятна эта встреча, предпочел не афишировать наше знакомство. Наивный в некоторых вопросах Сережа даже не заметил этого.

Вечером Эгис позвонил мне домой.

– Привет, малышка! – бодрым голосом, как будто ничего не произошло, как будто бы это не он сломал мне жизнь и устроил из нее ад крошечный в течение трех лет, сказал он. – Ты не хочешь встретиться со мной?

– Пошел ты к черту! – сказала я и положила трубку.

Он позвонил снова. И звонил каждый вечер в течение двух недель. Наконец, мне это надоело, и я сдалась.

– Чего тебе от меня надо? – грубо спросила я в трубку.

– Я хочу встретиться с тобой, – мягко ответил он.

– Зачем?

– Я хочу снова предложить тебе стать моей женой.

Удивляюсь, как меня не хватил удар от злости. Я грохнула трубку на телефон и в течение часа ходила одна по пустой квартире, ругаясь матом, как наш сосед-водопроводчик. Когда мне стало это надоедать, зазвонил телефон.

– Успокоилась? – вновь услышала я его глубокий бархатный голос.

– Оставь меня в покое! – каким-то невероятным усилием мне удалось не сорваться на крик. – Я никогда, никогда не выйду за тебя замуж. Никогда. Я лучше умру.

Чтобы не слышать больше его голоса, на следующий день я приняла предложение Лешки поехать с нашими ребятами и девочками из института в археологическую экспедицию не две недели. Это, к тому же, освобождало меня от летней практики в пионерских лагерях.

Мы с Сережей приехали немного позже всех остальных. Когда я прыгнула вслед за ним из кабины подвозившей нас от деревни до археологического лагеря попутки, я была удивлена тишиной, установившейся среди одnogруппников. Лешка гордо смотрел по сторонам. Я действительно выглядела нелепо в своих светлых брюках и белой тенниске, с распущенными длинными светлыми волосами среди чумазных, одетых в штормовки и джинсовые шорты ребят и девочек. Мы жили с Сережей в одной палатке, он на одной стороне, я – на другой. Я абсолютно убеждена, что все думали, что мы спим вместе. Но ничего подобного не было. Этот мальчик был удивительно целомудрен для Саратова. Никогда за все это время он не позволил себе даже намек на какую-либо близость, и это притом, что вокруг нас крутили романы, целовались и трахались все остальные. Мы бродили с ним по ночам по окрестностям, много говорили, много узнали друг о друге, он мне очень нравился как человек, но я не воспринимала его как мужчину. Наверное потому, что я привыкла к красивым стройным мальчикам, вроде Зигмунта, Шалвы, или того же Эгиса Ротенбурга, а Сережа при своем высоком росте был грузноват, круглолиц и, на мой взгляд, слишком коротко подстрижен.

После нашего возвращения в Саратов он уехал в другую экспедицию, в Польшу, даже написал мне оттуда два письма с хронологически точным описанием того, что он делал, и все.

От Кристины, единственной из моих прежних бакинских друзей, с кем я поддерживала связь до сих пор, я узнала о ее браке с Иваром Ротенбургом, и о том, что, в связи с перестройкой, Ротенбурги вспомнили о том, что они остзейские немцы, отыскиали в ФРГ свою родню и, по всей видимости, скоро уедут за бугор. Всей семьей. Я пожелала ей счастья в личной жизни и весьма решительно отвергла ее предложение поспособствовать нашему с её обожаемым деверем союзу.

Через полгода, зимой 1988 года, Эгис Ротенбург вновь появился в Саратове.

Этот мужчина обладает магической властью над женщинами – я не встречала ни одной девочки, которая, столкнувшись с ним, в него бы ни влюбилась. За исключением меня, уродины. К этому времени я не то чтобы стала забывать Зигмунта, просто моя жизнь словно раздвоилась, я была я и вроде бы уже не я. Мне казалось, что Зигмунт, Баку – всего лишь сон, далекий и красивый сон, после которого поутру хочется плакать, не более. Словом, когда Эгис возник вновь, у меня уже не было желания бежать от него сломя голову. Я встретила его у Ксении, подружки Кристины, семья которой переехала в Саратов лет пять назад потому, что ее отец был военным. Для меня эта встреча была случайной, и я осталась совершенно спокойна, что поделаться, раз так получилось. Это была обычная студенческая вечеринка, с вином и тан-

цами. Кто не пил, тот танцевал. Он пригласил меня на медленный танец, который начал входить в моду. Я согласилась.

– У тебя кто-то есть? – пронизательно глядя мне в глаза, через некоторое время спросил меня он.

В неясном свете ночника Ксении, при котором вся компания танцевала, я видела его искристые глаза, блеск которых приглушали длинные темные ресницы, его четкий профиль, чуть приоткрытые чувственные губы. В какой-то момент мне захотелось прижаться к нему, навсегда забыть про все на свете и обрести, наконец, покой. Он почувствовал этот порыв, его тело под тонкой рубашкой и легкими брюками напряглось, он был удивительно чувствителен к моим настроениям всегда, с того самого момента, когда я первый раз увидела его в Баку. И я тоже ощутила это. Чтобы погасить свой порыв, я довольно цинично ответила, нарушая хрупкое очарование:

– Если ты имеешь в виду, сплю я с кем-то или нет, то – нет, не сплю.

– Ты грубишь?

– Я отвечаю на вопрос.

– А этот парень с замашками извозчика, с которым я тебя видел? Ты встречаешься с ним? – не отступал он.

– Это не твое дело.

– Он не подходит тебе.

– А ты подходишь?

– Я подхожу, – он улыбался. – Я люблю тебя, я давно тебя знаю, я знаю, что тебе нужно, и я могу дать тебе такую жизнь, какую ты заслуживаешь.

– Даже так?

Я пыталась понять, издевается он надо мной или говорит серьезно. Его рука властно прижимала меня к себе в танце. Почти касаясь моей щеки губами, он тихо говорил:

– Ты слишком красива для того, чтобы достаться такому мужлану, как этот твой друг. У тебя хорошая кровь, как и у нашего рода. Выходи за меня замуж. Наш ребенок будет красив.

– Остановись!

Я резко отстранилась от него и, глядя ему в глаза, сказала, чуть ли не по слогам:

– И не мечтай об этом, понял? Только через мой труп!

Мы увиделись снова примерно через год.

За этот год произошло многое. Я закончила институт и безуспешно попыталась избавиться от порядком надоевшего и раздражавшего меня Сережи. Он, со своей стороны, упорно не желал «отлипнуть» от меня, после института помог мне устроиться на работу, покорно сносил все мои придирки и всплески буйного темперамента, так что, в конце концов, я сдалась. К зиме того года, как мы закончили институт, я уже с ним спала. Но замуж за него не собиралась. Впрочем, он мне и не предлагал. Вообще, вся эта история имела очень странный привкус. Я пошла на близость с ним потому, что мне было интересно, что же «это» такое. Я чувствовала себя неполноценной, не познав этого. Секса в Советском Союзе, как известно, для порядочных мальчиков и девочек, не существовало, даже несколько лет после перестройки. Кроме того, у меня имелось глубоко запрятанное корыстное намерение – если «это» больно, как говорят, то лучше проделать «это» с Сережей, которого я могу послать подальше в любой момент без всяких проблем, если мне не понравится, тогда как с мужем, для примера, я сделать этого не смогу. К тому же Фрейд, которым в тот период все зачитывались, говорил даже о каком-то комплексе у женщин, мужа которых делали им больно при первой близости. Словом, я решила убить одним выстрелом двух зайцев – узнать, что «это» такое и заодно обезопасить от боли свою будущую жизнь с мужем, которого я хоть и не буду любить так, как Зигмунта, но который будет подходить мне больше, чем Сережа, которого я считала только другом.

Надо отдать ему должное, этот мальчик оказался очень нежен и тактичен. Больно он мне не сделал. Нельзя сказать, что секс с ним мне нравился, просто после того, как это произошло, Сережа уже намертво приклеился ко мне. Он терпел все мои временами нарочитые дикие выходки и, молча, проглатывал все обиды, которые я иногда намеренно наносила ему, чтобы узнать, есть ли предел его ангельскому терпению. Про свою любовь, правда, он говорил мне только в постели. Меня унижали и задевали такие отношения, я не раз пыталась послать его подальше, но он выжидал некоторое время, потом снова приходил ко мне, и все начиналось сначала. Я не знаю, чем это объяснить. Скорее всего, мне не хватало тепла. Я оставалась с ним только потому, что к нему можно было прижаться, лежать рядом, чувствуя тепло его тела и нежиться в мягком облаке его обожания. Он ни в чем меня не ограничивал и ничего мне не обещал. Ему не было до меня никакого дела. Он меня ничему не учил, ничего не заставлял, ничего от меня не требовал. Несколько раз он мельком заговаривал о замужестве, но я только смеялась над этим, и разговор угасал сам собой. Забавы ради, чтобы увидеть, как он ревнует, я рассказала ему о Зигмунте, об отношениях с ним, об Эгисе Ротенбурге и о том, почему я никогда не смогу полюбить мужчину. Он все это проглотил и сделал выводы. Никогда у меня не возникала мысль о возможности выйти за него замуж. Никогда, до того времени, как события внезапно вырвались из-под контроля.

Глава 4

Я встречалась с Эгисом Ротенбургом в Саратове еще два раза.

Он был очень мил, любезен, каждый раз повторял с улыбкой свое предложение о замужестве, не обижался на очередной отказ и говорил, что рано или поздно все равно добьется своего. Мы даже с ним подружились.

Несмотря на свои блестящие внешние данные, он был умен, чрезвычайно язвителен и остроумен, с ним интересно было говорить. Его психика была чувствительной, как у женщины, он чувствовал малейшие нюансы моего поведения, интонации голоса, с какой было сказано то или иное предложение, и я, в свою очередь, ощущала то же самое в отношении него. Постепенно между нами установилась какая-то изумлявшая меня чувственная близость. Он вел себя так, словно мы были парой, хотя после того поцелуя на пляже на Северном Грэсе много лет назад, мы ни разу даже не коснулись губами щеки друг друга при встрече или прощании.

Я была в курсе всех его дел. Он покинул Советский Союз с дипломом врача-хирурга в кармане, и буквально за два года сделал себе головокружительную карьеру в Германии. В настоящее время он заведовал отделением хирургии в одной из частных клиник Гамбурга, занимался современной медицинской техникой в фирме своего немецкого деда и в качестве младшего партнера входил в состав другой фирмы, продававшей оборудование для бывшего Союза, и в частности, для нашей Саратовской больницы имени Лукачева.

Ему было тогда тридцать три года.

Накануне нового года, вначале декабря 1989, он внезапно позвонил мне домой из Гамбурга и пригласил провести с ним и его родителями неделю в Москве.

– Зачем? – изумилась я.

– Мама хочет познакомиться с тобой, – в его голосе звучала насмешка. – Хочет увидеть девушку, которая вот уже семь лет водит за нос ее сына. Сына, от которого все другие женщины без ума.

– От скромности ты, конечно, не помрешь, – уточнила я, просто чтобы выиграть время и подумать, что сказать.

– Несомненно. Итак?

– Где я там буду жить?

– Я с радостью предложу тебе свой номер.

– А сам?

– Но ты же не выгонишь меня на улицу?

– Еще слово, и я положу трубку!

– Хорошо, успокойся, – уже другим тоном сказал он. – Мама будет жить у своей подруги по институту. Она состоятельная дама с хорошей квартирой, так что места для тебя хватит. Приезжай, не пожалеешь. Я гарантирую тебе ужины в лучших ресторанах столицы.

– Еще чего!

– Я оплачу твой проезд туда и обратно и даже выдам тебе командировочные, – пообещал он.

– И заставишь их отработать?

– Ну, зачем же так плохо обо мне думать. И потом, с нами будет моя мама. Она не позволяет мне делать глупости. Но, если ты хочешь быть совершенно уверена в том, что я безопасен, то я скажу, что Крис и Ивар тоже собираются с нами. Итак?

– Я приеду.

– Спасибо, дорогая. Я буду тебя ждать.

Первое, что я увидела, сойдя с поезда на Казанском вокзале в Москве тремя днями позже, была его улыбка, чистая, белозубая, такая нетипично советская, что я даже поразились, как заграница влияет на людей.

Рядом с Эгисом стояла высокая сухопарая женщина со строгим лицом и гладко зачесанными в замысловатую прическу волосами цвета неочищенного каштана. Она тоже улыбнулась мне, в то время как глаза ее настороженно изучали каждую черточку моего лица.

Через несколько минут к нам присоединился и отец Эгиса, красивый седой мужчина, от которого оба брата Ротенбурга унаследовали свои великолепные фигуры.

– Какая красивая девочка! – удивленно воскликнул он, обращаясь к своей жене по-немецки после того, как Эгис представил меня родителям. – А ты все пилишь его, что он не думает о своем будущем. Можешь считать, что мое благословение ты уже получил, сын.

– Папа, – мягко сказал Эгис, усмехнувшись и вытаскивая из моих рук спортивную сумку, с которой я приехала. – Она прекрасно говорит по-немецки, спроси пани Изольду, она сама ее учила, а по-английски понимает в пределах школьного курса. Так что, я думаю, нам лучше перейти на русский.

– По-латышски барышня тоже говорит? – спросил меня отец Эгиса, хитро улыбаясь.

– Нет. Но я понимаю! – сказала я.

Он засмеялся. Когда подошли Крис и Ивар, мы уже болтали с ним, как будто были знакомы всю жизнь. Я ему нравилась, я чувствовала это.

Крис налетела на меня как ураган, тормошила, расспрашивала, демонстрировала свои наряды, и в такой суматохе я не заметила, как меня погрузили в машину и отвезли на место поселения этой веселой семейки.

Ужинали мы в «Космосе», где, кстати, и поселился Эгис, а затем, глядя на него, Кристина и Ивар. Ради такого случая Крис предложила мне платье, которое купила в Гамбурге как подарок к моему дню рождения.

Это было черное с блестками вечернее платье, длинное, узкое, с высоким разрезом с одной стороны от полы до середины бедра, с сильно декольтированными плечами и спиной. Только Крис могла догадаться подарить нечто подобное человеку, вышедшему из семьи инженеров бывшего Союза. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят.

Когда мы с Крис были почти одеты к ужину и в номер зашли мальчики, Ивар галантно сделал своей жене дежурный комплимент и поцеловал ее в висок, а Эгис в молчании некоторое время разглядывал меня, а потом коротко сказал:

– Волосы надо поднять.

Он собственноручно поднял и заколол густую копну моих белокурых волос.

– Как здорово! – тут же закричала Кристина. – Тебе очень идет. Ты стала очень красивой, Елена, и даже чем-то похожа на нашу немецкую тетку со старого портрета в замке.

А я почувствовала, как пальцы Эгиса, в то время как он касался моих волос, скользнули одновременно беглой лаской по моей шее к плечам и коснулись щеки.

Во время ужина он не сводил с меня глаз. Когда Кристина и Ивар, немного поддав, пошли танцевать, он, проронив несколько ничего не значащих замечаний, вдруг положил передо мной на стол лист бумаги с гербовой печатью, готическими буквами и немецким текстом.

– Что это? – не поняла я.

Он пододвинул свое кресло ближе к моему.

– Это – брачный контракт, – помолчав, сказал он.

– Что-о?

– Прочитай. Может быть, тебе понравится.

– Ты с ума сошел! Я, по моему, ясно тебе сказала, что замуж за тебя не выйду. Никогда.

– «Никогда» – это страшное слово, – холодно ответил он, – не стоит бросаться им походя.

Ведь мы же всегда нравились друг другу. Почему ты упрямисься? Я не понимаю.

– Потому что между нами всегда будет стоять Зигмунт. Ты сам все прекрасно понимаешь, и не стоит прикидываться идиотом!

Я кусала губы и уже жалела о том, что согласилась приехать в Москву, соблазнившись возможностью развеяться и увидеться с Кристиной.

– Но он умер, – Эгис накрыл мою ладонь, лежащую на столе, своей рукою. – Он умер, а ты жива. Жизнь продолжается.

– Заткнись! – не совсем вежливо сказала я. – Заткнись, или я надену эту салатницу тебе на голову.

К нам неожиданно приблизился какой-то молодой парень из-за одного из соседних столиков, которого я сначала приняла за официанта из-за его фрака, и пригласил меня танцевать. Я покачала головой, и он отошел, разочарованный.

– Это мой коллега из Гамбурга, – через некоторое время, разделяваясь с бифштексом, небрежно сообщил мне Эгис, не отрывая глаз от тарелки.

– Я должна была пойти с ним танцевать? – уточнила я.

– Ты никому ничего не должна, – он поднял на меня глаза. – Просто он богат и очень разборчив. Я начинаю опасаться надолго оставлять тебя одну.

Я не успела ничего ответить – к столику вернулись Крис и Ивар. Кристина увидела валяющуюся бумажку с гербовой печатью, взяла ее, прочитала, и, ахнув, сияющими глазами взглянула на меня, а потом на Эгиса.

– Вы поженитесь? – радостно закричала она.

– Крис! – укоризненно сказал Ивар, улыбаясь. – Она еще не подписала ее, и я что-то не вижу коленнопреклоненного Эгиса с кольцом.

– Если дело только за этим, – внимательно наблюдая за выражением моего лица, произнес Эгис, отставляя в сторону свой бокал с вином. В следующую минуту его пальцы скользнули к верхнему карману его дорогого, хорошего пошива пиджака, и он, помедлив не секунду, вытащил оттуда маленькую коробочку, обтянутую черным с золотом сукном.

Мне сразу же стало нехорошо. Какого черта! Чего он добивается? Хочет, чтобы я опозорила его на глазах всей публики или, наоборот, надеется, что я не посмею этого сделать?

Он открыл коробочку, любопытная Кристина сразу же заглянула внутрь и снова ахнула: Какая прелесть! Ты только посмотри!

Кольцо и в самом деле было великолепным. Золотое, тонкой работы, словно сплетенное из тончайшей паутины, с крохотными вкраплениями драгоценных камешков на поверхности с фронтальной стороны. Красивые вещи в самом деле завораживают – я не могла отвести от него глаз. И не смогла уследить, когда этот упрямый болван встал на колено и протянул коробочку к моему носу. Я невольно поднялась на ноги, на секунду замешкавшись, лихорадочно соображая, как бы поумнее выпутаться из этого дурацкого положения, в которое он меня поставил. Кристина истолковала моё замешательство по-другому.

– Официант, ручку! – потребовала она.

Когда ей услужливо и слишком быстро, не мой взгляд, принесли шариковую авторучку, она протянула ее мне и, подсунув бумажку, скомандовала:

– Ставь свою подпись, бери кольцо, и мы обмоем это сейчас же, немедленно. Мы все будем одна семья, мы станем сестрами, Элена, это замечательно!

Я растерянно посмотрела на нее, а затем перевела взгляд на Эгиса. Все еще коленнопреклоненный, он смотрел на меня в упор, молчаливо дожидаясь своей участи, глаза его улыбались.

Почему все, что делает этот красивый парень, он делает назло и вопреки мне? Почему он не хочет меня слушать? Почему, в конце концов, он ко мне прицепился, именно ко мне, уродине, которая равнодушна к его чарам?

В этот момент я с фотографической точностью на мгновение увидела четкий пробор в его густых чуть волнистых каштановых волосах, подрагивающие темные длинные ресницы, когда он опустил глаза, его гибкие сильные пальцы хирурга, обхватившие сукно коробочки с кольцом. Что я могла поделать? Только то, что он вынудил меня сделать.

Я положила ручку на бумагу и, глядя ему в глаза, сказала:

– Никогда!

Глава 5

– Ты просто идиотка! – выговаривала мне ночью в нашей с ней комнате Кристина. – У тебя шариков в голове не хватает. Ну что тебе еще надо, а? Он красивый, он тебя любит, деньги у него есть, отец-мать прекрасные, хотя для вас это не важно, все равно будете жить отдельно, там не наш «совок». Я просто отказываюсь верить в то, что все это из-за той глупой истории с моим братом! Да, это ужасно, что он погиб, это страшный удар для всех нас, но, в конце концов, вы с ним не были женаты, даже не крутили роман, ты была еще девчонкой, и это глупо и жестоко, что тебя обвинили в его смерти, сейчас это признают уже все. Ни ты, ни Эгис в этом не виноваты. У каждого своя судьба, понимаешь? Зачем же ты калечишь себе жизнь из-за какого-то воображаемого комплекса вины? Ведь он любит тебя, любит, он влюбился в тебя пять лет назад и помнит тебя до сих пор, он, Эгис Ротенбург, который обычно забывал о своих девчонках на следующий же день! Ты дурочка, точно, дурочка. У тебя никогда в жизни больше не будет такого парня, как он!

– Надеюсь, – вздохнула я, утомленная ее длинной речью. – Знаешь, давай махнемся в таком случае. Ты отдашь мне своего Ивара, он мне больше нравится, а себе забирай этого распрекрасного Эгиса Ротенбурга.

– С удовольствием! – хихикнула в ответ она. – Только в том случае, если он усыновит моего будущего ребенка!

– У вас будет ребенок! – теперь уже ахнула я. – Крис! Поздравляю!

Все семейство узнало об этом на следующее утро. Счастливый будущий дедушка принес шампанского, мы выпили его и сидели за столом, как добропорядочная немецкая семья на рождество: папочка рядом с мамой, Крис с Иваром, я – с Эгисом, у которого, к моему удивлению, вовсе не возникало желания убить меня за вчерашнюю сцену в ресторане. Потом фрау Ульрика, мать Эгиса, попросила его сыграть. Он охотно подсел к роялю, занимавшему центральное место в огромной гостиной комнате этой роскошной генеральской квартиры ее московской знакомой.

У него гибкие длинные и сильные пальцы хирурга, он играет великолепно, я несколько раз слышала его исполнение в Баку, когда была еще девчонкой, в доме у Литинских, но сейчас он превзошел самого себя.

– Почему он не стал музыкантом? – шепотом спросила я у фрау Ульрики, которая оказалась рядом со мной на его месте. – У него талант.

– У него много талантов. Он разбрасывается, – со вздохом отвечала мне она.

Последующие пять дней вместе с этими милыми людьми пролетели мгновенно. В субботу отправились в Гамбург поездом сначала Кристина с Иваром, которые по дороге хотели остановиться у родственников Кристины в Польше. Вечером того же дня мы с Эгисом проводили его родителей на самолет в Гамбург, вылетающий из Шереметьева.

При прощании в аэропорту фрау Ульрика неожиданно поцеловала меня в щеку, как прежде Крестину, посмотрела на меня, потом на Эгиса, хотела что-то сказать, но в последний момент удержалась, и лишь долго махала нам из очарованности на регистрацию отправляющихся пассажиров. Сам Эгис должен был улететь завтра, в воскресенье вечером, проведя уикенд со мной и отправив затем меня в Саратов дневным поездом.

В субботу вечером мы вновь отправились в ресторан гостиницы «Космос». Эгис принес мне красное платье, очень короткое, но вполне приличное, с широкой расклешенной юбкой и туго перехваченное в талии, почти прозрачное и состоящее местами из одних очень красивых красного цвета кружев, образующих вставки на груди, в талии и чуть повыше локтя на рукавах. Он сам подбирал для меня макияж и, в конце концов, когда я взглянула на себя в зеркало, я

увидела отражение, в котором с трудом узнала себя – отражение такой красивой стервы, что мне на минуту стало ни по себе.

В ресторане он вел себя очень мило, мы мало ели, в основном танцевали и пили прекрасное темное выдержанное вино. Часов около двух-трех утра мы поднялись к нему в номер, чтобы переодеться перед тем, как ехать домой. Если он и был немного навеселе, то по его виду это было трудно определить. Я определенно поддавала больше, чем следовало, но с ног пока не валилась. Мы смеялись, он подшучивал надо мной из-за этого, когда я, покачиваясь на высоких каблуках, порой теряла равновесие в коридоре. Наконец, с видимым облегчением опустившись в кресло в номере, он со вздохом признался, что сам чувствует себя так, словно на палубе в небольшой шторм и предложил нам обоим сначала немного протрезветь, а потом уже выходить на улицу, благо запас времени до моего поезда еще есть. Я согласилась. Проходя мимо него, чтобы пересечь с дивана, на который он меня как куклу предварительно посадил, и где меня непреодолимо тянуло упасть и уснуть немедленно, в кресло, я на секунду снова покачнулась, теряя равновесие, он инстинктивным жестом поддержал меня, его руки коснулись моей обнаженной спины и полуприкрытых этим проклятым коротким платьем бедер. Он вздрогнул, и вдруг все изменилось. Он иступленно прижал меня к себе, потом рывком встал и снова, уже удобнее для него, перехватил и сжал меня в своих объятьях. Я попробовала вырваться и закричать, но его губы заглушили мой слабый вскрик, его поцелуй был таким чувственным и грубым, что у меня захватило дыхание. В это время его сильные руки рвали платье на моей груди, крепко ласкали высвобожденные из-под тонкой материи груди, раздражая пальцами соски. Я выгибалась в его руках, пытаясь бороться, но, казалось, это еще больше разжигало его страсть. Я никогда не предполагала, что он так силен. Я не могла пошевелиться в его железных объятьях. Его руки постепенно дошли до моих бедер, он сорвал с меня тонкую полоску трусиков, и в этот момент его словно прорвало. Подхватив меня на руки, он отнес меня на кровать и, прижав своим телом, почти обнаженную, стал поспешно, одной рукой, выдирая с мясом пуговицы и запонки, раздеваться сам. По выражению его лица я понимала, что мне его не остановить. Кроме того, выпитое за ужином вино давало о себе знать. Руки точно налились свинцом, голова была ватной. Я снова попробовала закричать, но сделала только хуже – он обрушился на меня всей тяжестью своего тела, и сквозь ужас всего происходящего я внешне почувствовала, как меня охватила какая-то сладостная дрожь от движений его великолепного тела. Он отвел мои руки за голову и, удерживая их одной рукой, стал целовать мою грудь, обводя языком вокруг сосков, а затем легонько прикусывая их губами, и вот тут я уже выгибалась и стонала от стыда и сладострастия. Чувствуя сопротивление, он не стал истязать меня дольше, опасаясь, видимо, что я смогу каким-либо образом освободиться. Разведя коленом мои ноги, он прижался к моим бедрам своими, сильно вошел в меня, и в тот же миг мы задрожали с ним словно охваченные лихорадкой, содрогаясь от сильных движений его тела. Его губы почти касались моего лица, я видела его полуприкрытые и словно подернутые дымкой глаза, его невероятно красивое порозовевшее лицо. Он отпустил мои руки, и они, как плети, бессильно лежали на одеяле. Я давно уже перестала сопротивляться, и все мои усилия были направлены на то, чтобы не показать ему моего постыдного наслаждения от его ласк, чтобы не обвить его шею руками и еще крепче прижать его к себе. Но мое тело предавало меня. Оно льнуло к нему, жаждало его близости. Я попробовала закрыть глаза, но он, оторвавшись от моих губ, хрипловатым от пережитой страсти голосом, приказал:

– Открой глаза! – и я вынуждена была взглянуть ему в глаза, причем именно в тот момент, когда мне больше всего этого не хотелось.

В этот миг, словно на вершине гребня волны, когда я уже видела блаженный берег далеко внизу и готова была с наслаждением соскользнуть в пучину навстречу ему, он внезапно остановился, в то время как мое тело не могло остановиться, оно продолжало вибрировать, словно призывая его продолжить начатое путешествие.

– Так как насчет моего предложения? – я видела, как его губы дрожали от страсти, в глазах проходили отблески и тени от какого-то внутреннего света, тело трепетало от сдерживаемого желания.

– Замолчи, – с трудом выдавила из себя я, так как мое голос, как и тело, отказывался мне подчиняться. – Доводи до конца, что начал и убирайся.

– Это совсем не обязательно, – он стал решительно отстраняться от меня, но я, вне себя от ярости и унижения, ударила его по рукам, которыми он опирался о постель, лишив, таким образом, опоры, и он всей тяжестью рухнул на меня.

Его движения возобновились вновь. Теперь они были резкие и короткие. Забыв обо всем от наслаждения, которое они мне приносили, я обхватила руками его плечи, прижала его грудь к своей, его губы были возле моего рта, я дышала его дыханием, время от времени его поцелуи лишали меня возможности дышать вообще. Наконец, когда я снова почувствовала себя в полной и счастливой зависимости от него, инстинктивно подлаживаясь к его движениям и сжимая руками его бедра, заставляя крепче и сильнее погружаться в меня, я вновь услышала его шепот:

– Если ты произнесешь хоть одно слово любви, тебе будет несравненно приятнее...

Он снова остановился. Кусая губы от раздражающего меня желания, я простионала:

– Чего ты еще от меня хочешь, господи!

– Самую малость, – его глаза светились, смеялись в темноте. – Признайся, что тебе хорошо, что ты хочешь меня, и это превратится из пытки в наслаждение. Признайся, и ты получишь все, чтобы никогда не забыть эту ночь.

– Я и так ее никогда не забуду! – из последних сил упрямо пробормотала я.

Он засмеялся, и я почувствовала, как от легкой вибрации в его теле, вызванной смехом, мурашки наслаждения поползли по моей коже.

– Ты – единственная и неподражаемая, любовь моя, мой упрямый и несгибаемый оловянный солдатик...

– Зачем тебе это надо? – я умирала от того, что он перестал двигаться.

– Это надо тебе, глупышка.

Он шевельнулся, и все звезды с неба внезапно со страшным грохотом словно посыпались мне на голову, так, что тело мое содрогалось до тех пор, пока в нем с ослепительным взрывом не разлилось блаженное наслаждение, как некогда в туманном детстве, на заре рождения.

Однако по мере того, как это зарево гасло, я снова ощутила свое тело действующим, вновь почувствовала на нем губы и руки Эгиса, и снова что-то натянулось во мне, как струна от наслаждения от его прикосновений. Теперь я могу сказать, что он был очень опытным мужчиной. Тогда же я чувствовала лишь стыд от того, что ему удавалось так играть на чувственной стороне моей натуры. Эта сладостная пытка продолжалась, не прекращаясь, до самого утра. Я не помню того момента, когда полностью обессиленная и опустошенная, я провалилась в сон. Зато хорошо помню, как я проснулась.

Звенел будильник, заведенный на час дня. В три от Казанского вокзала отходил мой поезд на Саратов. Проснувшись, как от толчка, я первым делом вспомнила почему-то именно про поезд. Но уже в следующее мгновение сильная рука Эгиса развернула меня к нему, он склонился надо мной и нежно коснулся губами моего рта.

– Доброе утро, любимая, – его голос был просто само очарование, но сам факт того, что я проснулась в постели с ним, обнаженная, и он тоже, как бы это помягче сказать, был не одет, да еще смел при этом улыбаться, привел меня в состояние тихого ужаса.

Кровь мгновенно отхлынула от моего лица, я порывисто прикрылась простыней и в голосе моем, внезапно охрипшем, послышались истерические нотки:

– Да как ты посмел?!

Дальше я уже не могла продолжать.

Он откинулся на подушку и, полужакрыв глаза, спокойно заметил:

– А мне показалось, что мы делали это вместе. И тебе понравилось.

– Скотина! – выплюнула я, кубарем скатываясь с кровати. – Кобель несчастный! Господи, ну за что ты наказываешь меня, в чем я перед тобой провинилась? На свете сотни миллионов женщин, миллионы из них красивее и лучше меня, какого черта ты ко мне прицепился, псих ненормальный! Тебе мало проституток Гамбурга и Москвы, какого черта ты пристаешь к приличным девушкам?

– Ну, девушкой, допустим, тебя не назовешь, – все с тем же олимпийским спокойствием уточнил он, воспользовавшись первой же паузой.

Я схватила с полу лежавший перед кроватью его домашний тапок и со всей силы ударила им его по лицу. Потом сгребла в охапку свои вещи и заперлась в ванной. Когда через полчаса я вышла оттуда, он сидел на диване, уже полностью одетый, перед включенным телевизором и пил кофе. Аромат хорошего и дорогого кофе витал по всей гостиной. Я с удовольствием увидела на его щеке слабый след от прорифленной подошвы шлепка и пожалела, что на вес он оказался легче, чем на вид.

– Завтрак на столе, – обернувшись ко мне, все так же спокойно, как будто бы ничего не произошло, сказал он. – Если тебе вдруг захочется запустить в меня кофейником, смотри не обожгись. Для начала я рекомендую тебе осушить его содержимое.

На столике подле его чашки лежал тот самый лист с гербовой печатью, который я уже видела на днях в ресторане в обществе Ивара и Кристины. Обтянутая темным сукном коробочка с кольцом стояла тут же. Какое-то предчувствие заставило меня еще раз взглянуть на документ. Увидев, что помимо подписи нотариуса, свидетелей и Эгиса, на нем четко обозначена и моя роспись, я не поверила своим глазам. Выхватив лист из-под стоявшей рядом с ним пустой чашки, вероятно, предназначенной для меня, я с изумлением уставилась на свою подпись. Эгис даже не пошевелился. Только, чуть помедлив, не поворачивая головы, уронил:

– Это копия, любимая. Можешь взять ее себе.

Растерявшись, я лихорадочно соображала, когда же это меня угораздило такое подмахнуть, но тщетно, я помнила все подробности этой мерзкой ночи, но факт подписания этой бумажки совершенно выветрился из моей головы, которая, кстати, весьма ощутимо побаливала от излишеств вчерашнего пьянства. Наконец, отчаявшись что-либо вспомнить, я не нашла ничего лучшего, кроме как сунуть эту бумажку под нос Эгиса со словами:

– Ты хочешь сказать, что я это подписала?

Он взглянул на меня, и меня поразило выражение его глаз – они были спокойными и казались совсем темными и непроницаемыми, словно это не он до сих пор не мог даже смотреть на меня без того, чтобы в них не отражалось обуревавшее его желание.

– Тут и говорить не о чем. Ты подписала это и все.

– Не может быть!

Он промолчал.

– Я тебе не верю! – упрямо повторила я.

Вздыхнув, он поставил чашку на стол.

– Я никогда не думал, что первый день моей супружеской жизни начнется сразу же с семейной разборки.

– Семейной! – взорвалась я. – Да ты просто кретин!

– Не кричи, любимая. Посмотри лучше еще раз на этот документ и раз и навсегда поверь мне – теперь ты действительно моя жена, а я твой муж по закону. Я не вижу в этом никакой трагедии. Через некоторое время ты получишь загранпаспорт и уедешь со мной в Гамбург.

– Ага, и рожу тебе пятерых детей, а потом мы будем жить долгло и счастливо и умрем в один день, – саркастически закончила за него я.

– Что в этом плохого?

– Мне плевать на твои бумажки! Я еду домой и больше никогда в жизни не хочу тебя видеть. Никогда! Мне даже голос твой мерзкий противен!

Подхватив свою сумку, я побежала к двери.

– Я провожу тебя, – остановил меня у дверей он.

– Не нуждаюсь! – я бесцеремонно отпихнула его со своего пути. – Отстань от меня, ради бога!

На вокзале, уже сидя в купе поезда, мне показалось, я увидела в толпе его лицо, но вполне вероятно, что я ошибалась, поскольку была так зла, что мне везде мерещилась его противная физиономия.

Дорога домой несколько успокоила меня. Подъезжая к Саратову, я уже с циничной усмешкой думала про себя, что, в конце концов, как говорят мои родители, все что ни делается – к лучшему. По крайней мере, я теперь могу похвастаться тем, что переспала с одним из самых красивых мужчин, каких я видела в своей жизни. И заниматься любовью с ним, скрепя сердце была вынуждена признать я, было несравненно приятнее, чем с Сережей.

Вернувшись на следующий день на работу в институт, с возмущением рассказала обо всем, что произошло в Москве моей подруге по институту, Танечке, которая была самой умной и спокойной девочкой, которую я знала.

– А почему ты не хочешь выйти за него замуж? – полюбопытствовала она, внимательно меня выслушав.

– Не хочу и все! – отрезала я, ничего ей не объясняя. – Не хочу!

– Насколько я поняла из твоего рассказа, этот парень не оставит тебя в покое, – возразила Танечка.

– Ну и что с того? Я к этому уже привыкла. Пусть себе тешится.

– Но как же быть с этим брачным контрактом?

– А никак. Просто забыть об этом. Не потащит ведь он меня в суд из-за невыполнения супружеских обязанностей?

Мы посмеялись и разошлись. Вскоре после этого началась сессия, и я благополучно забыло о брачном контракте и о самом Эгисе Ротенбурге.

Глава 6

Эгис позвонил мне домой в ночь на 1 января 1990 года для того, чтобы поздравить с Новым Годом.

– Много хвостов, любимая? – его низкий, с хрипотцой голос звучал по-обыкновенно чарующе мягко.

– Не дождешься! – не осталась в долгу я. – Я, вообще-то, институт еще в июне закончила. С красным дипломом.

– Молодец, малышка. Приятно иметь красавицу жену с красным дипломом.

После обмена еще парой ехидных замечаний, он с некоторым замешательством, так не свойственным ему, произнес:

– Я звоню, чтобы предупредить тебя, любимая.

– О чем? – не поняла я.

Он некоторое время помолчал, а потом, тщательно подбирая слова, сказал:

– Дело в том, что после моего возвращения в Гамбург я в составе всей семьи присутствовал на рождественском сборище у моего немецкого деда. Ты, наверное, слышала, что когда-нибудь я унаследую его баронский титул?

– А что, такие еще существуют? – удивилась я.

– Еще как. Так вот, старый барон с самого начала нашего знакомства пару лет назад начал проявлять ко мне если не симпатию, то известный интерес, даже не ко мне лично, а к моей карьере, личной жизни и так далее. Он изучает, достоин ли я стать его наследником. Вопрос о моем наследовании пока остается спорным. У него есть племянник, которого он вырастил, как сына, и который, до нашего появления в Гамбурге, полагал, что именно он станет наследником. Так вот, на ужине у деда случайно выплыла история наших отношений, и деду захотелось побольше узнать о моей невесте. Он даже захотел просмотреть видеопленку, которую Ивар снимал в Москве. Когда он ее увидел, его чуть не хватил удар. Теперь слушай внимательно. Что бы ни случилось, кто бы тебе ни позвонил и что бы ни сказал, не пугайся.

Я оторопела.

– А чего мне пугаться?

– Мой дед воевал в России в 1942 году. На стороне фрицев, разумеется. Здесь он встретил свою будущую жену, русскую девушку, женился на ней и после войны увез в Германию. Он оправдан Нюрнберским трибуналом, никогда не был «наци», но это к делу не относится. Главное то, что ты – почти точная копия его покойной жены.

– Так она умерла? – глупо спросила я.

– Давно. Но ты так похожа на нее, что с ним чуть инфаркт не случился. Теперь он хочет встретиться с тобой, и пани Изольда, мать Кристины, его какая-то там дальняя племянница, которая меня никогда не любила, всячески поощряет его. Еще неизвестно, чем все это кончится. Но ты не пугайся. Мой дед – очень упрямый человек, он может действительно прилететь в Россию, чтобы тебя увидеть. Он неплохой мужик, немного с приветом, но учти, ему почти 80 лет.

– Мне нужно с ним встретиться? – уточнила я, утомленная его многословностью.

– Как хочешь.

– Хорошо, поставим вопрос по-другому. Ты не хочешь, чтобы я с ним встречалась?

– Мне все равно. Только помни, пожалуйста, там, где вмешивается пани Изольда, всегда существует потенциальная угроза для меня. Она меня ненавидит. Постарайся не дать ей втянуть себя в какую-нибудь авантюру.

– Но она хорошо ко мне относится, – возразила я.

– Да, возможно, – он вздохнул и открыл карты, пояснив причину своего беспокойства. – дело в том, что племянник моего деда внешне похож на Зигмунта. Как родственник.

– Ты хочешь сказать, – начала я.

– Я ничего не хочу сказать, – перебил меня он. – Помни, что Зигмунт умер. Это печально, но это так. Никто другой не заменит тебе его.

Я собиралась было поломать голову над этой проблемой вечером, но оперативность пани Изольды не знала границ. Через час после звонка Эгиса мне позвонила она. Я внимательно выслушала все ее сбивчивые объяснения и тотчас же согласилась на встречу с дедушкой. Я решила, что встречу с ним в тот самый момент, когда Эгис сказал, что его племянник похож на Зигмунта. Пани Изольда добавила, что Марк-Кристиан – это племянник и одновременно приемный сын и наследник огромного состояния барона.

– Он действительно похож на Зигмунта? – прямо спросила ее я.

Она помолчала, а потом ответила:

– Да, но очень немного. Внешне, это сходство не особо бросается в глаза, он старше моего сына, он зрелый мужчина, в то время как Зигмунт был всего лишь юношей, но по характеру они похожи куда больше. Я бы хотела, чтобы ты с ним познакомилась.

– Зачем? Чтобы позлить Эгиса?

– Я хочу, чтобы ты была счастлива, малышка, – даже по телефону я слышала, как дрогнул ее голос. – Он очень хороший и очень порядочный человек. А теперь слушай. Мы встретимся с бароном в Риге, у меня. Завтра утром я вылетаю в Саратов, заберу тебя, и мы полетим в Москву. Барон и Марк будут там по каким-то своим делам. Они нас встретят в аэропорту, и мы отправимся в Ригу на уикенд. Все билеты уже оплатил барон. В понедельник ты вернешься домой. Поняла?

– Да. А где мы встретимся с вами? Вы зайдете к нам в гости? Бабуля умерла, но мама будет очень рада вас видеть.

– К сожалению, я не смогу зайти к вам при всем желании. Разница между двумя самолетами два часа. Встретимся в аэропорту, там и поговорим, пока будем ждать самолет. А теперь бери ручку и записывай...

Мы прилетели в Москву поздно ночью. На подсвеченном прожекторами летном поле, чуть в стороне от курса, каким вела нас к зданию аэропорта целеустремленная стюардесса, стояли два высоких мужчины. Их лица были в тени, четко выделялись лишь два силуэта – высокие, стройные, в темных плащах и шляпах. Пани Изольда, которая начала оглядываться по сторонам сразу же, как только мы покинули самолет, тут же с улыбкой направилась к ним. Мужчины тоже вышли из состояния неподвижности и неторопливо, размашисто зашагали нам навстречу. Они шли из полосы тени, мы – из освещенной полосы, в морозном воздухе поднимался парок от нашего дыхания. На границе тени они вышли на свет, и я увидела их ближе. Один из них был высокий сухощавый мужчина лет семидесяти, но его фигура казалась по-юношески стройной и подтянутой, другой – молодой мужчина лет тридцати пяти, гибкий, широкоплечий, но очень стройный, с шапкой густых блестящих темных волос, тронутых инеем, то ли ранней сединой. В тот момент, когда я жадно встматривалась в лица обоих, неожиданный порыв ветра сбросил с моей головы капюшон теплой куртки. Под ней обычно не помещалась шапка, поэтому я предпочитала обходиться вообще без нее, набрасывая капюшон прямо на мои подобранные под него длинные, достававшие до пояса, волосы. В ту минуту ветер откинул капюшон с моей головы, волосы сразу же упали мне на плечи, их разметало во все стороны ветром, и я с изумлением увидела, как вмиг застыли оживленные лица обоих мужчин. Они остановились как вкопанные, не сводя с меня глаз.

– О, мой бог! – неожиданно сказал старший из мужчин по-немецки и почти побежал нам навстречу. – О, мой бог! Такого не бывает!

Добежав до меня, он схватил меня за плечи и впился глазами в лицо.

– Алиция! Дорогая моя! – в его голосе звучали восторг и благоговение.

Я ошарашенно хлопала глазами. Молодой человек, тем временем, тоже подошел к нам, не сводя с меня взгляда своих странных темно-синего цвета глаз.

– Гюнтер, ты ее напугал! – с упреком сказала пани Изольда, обращаясь к старому барону. – Я же предупреждала тебя, да ты и сам видел ее фотографии.

– Фото – это одно, – живо возразил ей старший мужчина по-немецки. – Но она даже смотрит, как Алиция, удивляется, как она, у нее такое же выражение лица, глаз, оттенок волос, поворот головы!

– Ты еще не слышал ее голоса, – улыбнулась всегда такая выдержанная пани Изольда, – и не услышишь, если будешь продолжать в том же духе.

Она обернулась ко мне и сказала, поочередно указывая не каждого из мужчин:

– Познакомься, дружок. Этот разговорчивый дедушка – барон Гюнтер фон Ротенбург, а молодой человек, который еще и рта не раскрыл, его сын – Марк-Кристиан фон Ротенбург. А это, мои дорогие, Лена Замятина, невеста Вальдемара-Эгидиуса и лучшая маленькая подружка моего покойного сына.

Мужчины поочередно наклонили головы в безмолвном приветствии.

– Надень на голову капюшон, моя дорогая, а то эти двое так и будут стоять с открытыми ртами, и пойдемте в здание, что ли. Когда вылетает наш самолет?

– Наш самолет за твоей спиной, – весело сказал старый барон, глядя на меня. – Пойдемте, а то девочка действительно простудится. Марк, мы можем вылететь сию же минуту?

– Разумеется.

Старый барон подхватил меня под руку и, увлекая в сторону видневшихся на взлетном поле очертаний маленького изящного самолетика, проговорил:

– Прости меня, девочка, что я тебя так напугал. И спасибо тебе за то, что согласилась встретиться со мной. Когда я увидел твои фотографии у своего остзейского племянника, мне показалось, что я схожу с ума – ты очень похожа на мою покойную жену. Она была русская, умерла почти тридцать лет назад, и я очень ее любил.

– Пани Изольда говорила мне об этом, – наконец отважилась открыть рот я.

Он неожиданно улыбнулся.

– И голос тот же! Даже тот же самый акцент! Невероятно!

Всю дорогу до Риги, занявшую у нас около часа, он говорил не умолкая. Рассказывал, как воевал в Великую Отечественную в России, как встретил и полюбил свою жену, тогда еще совсем молодую русскую девчонку, показывал мне ее фотографии. Вот тогда уже мне казалось, что я схожу с ума – с них на меня смотрело мое лицо, то более, то менее молодое, но мое, пожалуй, более тонкое и красивое лицо более уверенной в себе молодой женщины, но старый барон так не считал. Он был очень обаятельный мужчина, этот старый барон Гюнтер фон Ротенбург, и я не сомнавалась, что в молодости он был очень привлекательным, он и сейчас еще был красив – с четким профилем, темно-серыми живыми искристыми глазами, коротко подстриженной шевелюрой темно-каштановых, перемежающихся с серебром, волос. Он был из той породы людей, которые с первой же минуты неосознанно внушают к себе симпатию окружающих, и эта раз возникшая приязнь к ним способна сохраняться на годы, потому что первое впечатление не обманывает – они действительно и есть такие, какими предстают буквально с первой же минуты знакомства.

С его сыном, или племянником, было сложнее. Как только я его увидела, я поняла, что пани Изольда права – они с Зигмунтом близкие родственники. Думаю, что если бы Зигмунт дожил до его возраста, он выглядел бы примерно также. Несомненно, ни в какое сравнение с красавцем Эгисом Ротенбургом он не шел, но он покорило мое сердце с первого взгляда. Это произошло помимо моей воли, я посмотрела ему в лицо и поняла, что он – мужчина, которого

я хотела бы получить для того, чтобы жить с ним в печали и в радости, в болезни и здравии, жить долго и счастливо и умереть в один день.

Он почти не смотрел на меня. Я помнила лишь первое мгновение, когда с моей головы упал капюшон – его внезапно застывшее ошеломленное лицо с четким профилем греческого бога, изумленные, необычные темно-синие глаза, и то, что он был предельно вежлив со мной, вежлив до неприличия.

Когда в аэропорту в Риге мы садились в машину, чтобы доехать до дому пани Изольды, наши руки случайно соприкоснулись на ручке дверцы, он сразу же убрал свою и вежливо извинился. Затем, оказавшись в такси на заднем сиденье, в обществе меня и пани Изольды, он всякий раз, когда мы неизбежно соприкасались с друг другом, что в такой тесноте вовсе не было событием экстраординарным или нарочитым, извинялся, не поднимая на меня глаз. Сразу же выяснилось, что он не говорит по-русски. Для сына, мать которого была русской, это казалось несколько странным.

– Марк прекрасно говорит по-английски, по-французски, знает польский, итальянский, испанский, немного португальский, финский, – пояснила мне пани Изольда.

– Полиглот, – пробормотала я по-русски, – который не знает языка своей матери!

– Ты несправедлива к нему, – с мягким укором заметила пани Изольда, переглядываясь со старым бароном.

– Мой немецкий в глубоком упадке, английский вообще в объеме курса средней школы, а мне было бы интересно поговорить с ним, – вздохнула я.

– У тебя вполне приличный немецкий, – утешила меня пани Изольда, вновь посмотрев на барона. – Просто, боюсь, Марк сейчас не расположен с тобой говорить. У него, видимо, нечто вроде культурного шока от встречи с тобой.

– Очень понятно, – упавшим голосом сказала я снова по-русски. – Мой бывший бойфренд тоже испытывает состояние культурного шока всякий раз, когда встречается со мной. И когда он выйдет из этого состояния? – помолчав, спросила я ее, имея в виду уже Марка Кристиана.

– Всеу свое время.

В рижскую квартиру пани Изольды мы добрались к середине дня.

Утомленные бессонной ночью, все сразу же разошлись по отведенным им местам, и лично я уснула в то же самый момент, как моя голова коснулась подушки. Проснулась я, когда солнце уже садилось. Пани Изольда мирно посапывала на диванчике напротив меня. Мне жутко хотелось пить. Я встала и прямо в спортивной майке, в которой спала, поплелась на кухню, чтобы глотнуть хоть капельку водички из-под крана. Не ожидая никого там встретить, я храбро открыла дверь и тут же увидела расположившегося за кухонным столом молодого барона фон Ротенбурга. Он был в брюках и светлом джемпере, его пиджак висел на спинке стула за его спиной.

Когда я, с длинными лохматыми белокурыми волосами, спускавшимися до середины спины, взъерошенная со сна, одетая лишь в майку, позаимствованную у моего брата лет пять назад, когда он был еще подростком, широкую, с рукавами до локтя и доходившую мне по длине до середины бедер, с надписью «I like America», появилась на пороге, в его глазах явно отразилось замешательство, с оттенком того самого культурного шока, о котором мне так прочувственно рассказывала недавно пани Изольда. Но я так хотела пить, что совсем потеряла совесть. Вместо того, чтобы с тихим смущенным возгласом, как подобает порядочной девушке, убежать обратно в комнату и там томиться от жажды, я попыталась что-то сказать в свое оправдание, продвигаясь со стаканом в руках к раковине.

– Я ужасно извиняюсь за свой вид, – не знаю уж, как прозвучала эта фраза по-английски, но сказать я хотела именно это.

– Не стоит беспокоиться, – тут же прозвучал его вежливый голос.

– Вот и славно! – пробормотала я себе под нос, открывая кран и набирая в стакан воды. Как только я с наслаждением прильнула к стакану, меня остановил его возглас, уже на родном, произвольном, немецком:

– Что вы делаете? Эта вода для технических целей, у фрау Изольды нет очистителя! Ее нельзя пить!

– Неужели? – я успокоилась. – Да не смотрите вы так не меня, Марк-Кристиан, я всю жизнь пью такую воду и ничего, жива.

– Вы говорите точно, как моя мать.

– Я ведь и на нее похожа?

– Похожа – не то слово, – он, наконец, посмотрел на меня и жестом указал мне на стул, словно спрашивая, не хочу ли я присесть.

Я хотела. Он мне очень нравился. Поэтому я, недолго сумняшеся, села.

– Вам это неприятно?

Он задумчиво посмотрел на меня.

– Не могу сказать, – помедлив, ответил он.

Он предпочитал говорить по-немецки, видимо, мой немецкий все-таки лучше, чем английский.

– «Неприятно», это слишком сильно сказано. Вы не просто похожи на мою мать, вы словно копия ее, даже ее собственная дочь не могла бы быть так на нее похожа. Разве что сестра-близнец.

– Но вам все равно это неприятно, – заметила я, когда он умолк. – Это видно по вашим глазам.

Неожиданно он улыбнулся, и словно светлый луч скользнул по его лицу, зажег мягким светом его глаза, приоткрыв в улыбке белоснежную полоску зубов под четко очерченными губами.

– Не совсем так. Я обожал свою мать, и был убит горем, когда она умерла, мне было тогда двенадцать лет. Поэтому когда я увидел вас в аэропорту, мне захотелось по-ребячески схватить вас, и, как игрушку, спрятать, принести домой для того, чтобы владеть ею самому.

Я рассмеялась, но внезапно осеклась, поймав его взгляд.

– Что случилось?

– Вам придется часто извинять нас с отцом, – сказал он. – Вы словно ожившее через тридцать лет отражение моей матери. Иногда ваш жест, улыбка, смех, манера говорить словно обжигают. Это поразительное сходство и пугает и притягивает одновременно.

– Расскажите мне немного о вашей матери, Марк-Кристиан, – попросила я, поудобнее усаживаясь за стол напротив него. – Она умерла молодой?

– Ей было сорок шесть лет. Она была почти на десять лет моложе моего отца.

– Несчастный случай?

– Рак крови. Моя сестра, Каролина, умерла в тот же год от той же болезни.

– А вы?

– В моей крови не было этой заразы, – грустно улыбаясь, сказал он. – Я не ее родной сын. Но все это выяснилось лишь после ее смерти. Я – сын младшего брата отца вашего жениха, моя мать умерла во время родов, отец погиб в автокатастрофе еще до моего рождения. Барон взял меня в свою семью после того как его жена, которую он очень любил, потеряла ребенка, после чего она больше не могла иметь детей. Баронесса всегда полагала, что я ее собственный сын.

– А когда об этом узнали вы? – внимательно выслушав его, спросила я.

– Два или три года назад, когда прибалтийские Ротенбурги, семья вашего жениха, вернулись в Пруссию и предъявили свои права наследования деду по праву старшинства.

– Как это? – не удержалась от вопроса я.

– Наследовать титул может только прямой потомок барона. У него нет живых детей, значит, титул переходит к его младшему брату Себастьяну, отцу вашего жениха, а от него – к его детям.

– А вы?

– Я приемный сын, но я также имею права наследования титула после Себастьяна и его семьи. Долгое время считалось, что они погибли и утрачены для наследования, но... Впрочем, зачем вам это? Это все так сложно и неопределенно в настоящее время. Отец настаивает на сохранении титула лично для меня, но не для моих потомков, и эта тяжба в суде продолжается уже в течение нескольких лет.

Мне не пришло в голову ничего более умного, чем спросить:

– А у вас есть потомки? Я имею в виду дети, которым вы можете передать свой титул.

– Пока нет.

Кольца у него на пальце тоже не было, но это ничего не значило, тысячи женатых мужчин предпочитают не носить кольца.

– Вы женаты? – довольно нахально спросила я, и он совершенно спокойным тоном удовлетворил мое любопытство:

– Был женат. Много лет назад.

– Сколько же вам лет?

– В этом году будет сорок.

Я облегченно вздохнула, и мне показалось, что этот вздох не укрылся от него. Он чуть приметно улыбнулся и в свою очередь спросил:

– А вам?

– Будет двадцать три.

Он казался удивленным.

– Вы выглядите гораздо моложе.

– Ага! – поддакнула я. – Особенно когда забуду причесаться и натяну подростковую майку.

Мы еще смеялись, когда на кухню вышла пани Изольда в домашнем халате, плотно затянутом на талии. Когда она увидела нас, мирно беседующих за кухонным столом: меня, лохматую и в майке, и элегантного Марка-Кристиана, одетого со всей тщательностью истинного аристократа, – она всплеснула руками от возмущения:

– Иезус Крист! Да что же это такое, в каком ты виде, девочка!

– Да я зашла только водички попить, – жалобно сказала я, проворно отходя к двери. – Мне, право, очень жаль...

Марк смотрел на меня, и его глаза смеялись.

За завтраком, или точнее, ужином, к которому поднялся и энергичный жизнерадостный старый барон Гюнтер, разговор, к его удовольствию, шел только о его жене. Выходя из-за стола, я случайно услышала реплики на английском, которыми обменялись старый барон и пани Изольда:

– Ты заметил, Гюнтер, они понравились друг другу.

– За Марка я не сомневался. Он был готов отдать за нее жизнь, как только увидел!

– Ты не преувеличиваешь?

– Нет! У меня сейчас та же идиотская идея-фикс, что и у него: я лихорадочно думаю о том, какам образом нам ее удержать. Я просто не могу с ней расстаться. Это словно похоронить Алицию во второй раз. Как ты думаешь, может быть, мне предложить ей выйти за меня замуж?

– Ты с ума сошел! – вскричала пани Изольда.

– А что, фиктивный брак – это выход! – живо возразил барон. – Она будет рядом с нами, и этого достаточно.

– А ей?

– Но ты ведь говорила, что она не любит моего самодовольного племянника!

– Ты тоже ей не пара.

– А Марк? – спросил старый барон, бросив быстрый взгляд в мою сторону.

Пани Изольда тоже посмотрела в моем направлении. Ее голос был полон неуверенности.

– Вот Марк пусть и решает, – помедлив, сказала она.

– Он ей понравился? – не сдавался старый барон.

– Думаю, да, – сказала пани Изольда.

– Если он сделает ей предложение, она согласится?

– Мне кажется, что да. Но Марк женат.

– Ерунда! Они уже пятнадцать лет не живут вместе.

– Но развод не оформлен официально. Это значит, что Марк жениться не может.

И вообще, еще неизвестно, что он сам об этом думает.

– Не знаю уж, о чем он думает, но влип он на этот раз основательно. Ты только посмотри, как он на нее смотрит!

Заметив мой удивленный взгляд, они тут же прекратили свою семейную перебранку.

Глава 7

Наутро следующего дня, разделавшись с завтраком, мы все вчетвером отправились гулять по Риге. Было не очень холодно. Воспользовавшись тем, что почти никто не носил шапок, я тоже откинула капюшон своей куртки, темно-синей, из мокрого шелка, с седовато-синей опушкой меха на капюшоне, мои светло-русые волосы, длинные, нарочито небрежно зачесанные на косою ряд, свободно ниспадали на спину и почти наполовину прикрывали правую часть моего лица. Мальчики и молодые мужчины на улице, как обычно, смотрели на меня и некоторые оборачивались вслед. Я улыбалась, и мне так хотелось выглядеть красивой, чтобы очаровать Марка, что я буквально чувствовала, как горят от мороза мои щеки, блестят глаза и алеют чуть обветренные от долгих прогулок по ветренной погоде губы. Мы неторопливо шли по улицам и говорили, говорили, говорили. В основном мы со старым бароном. Марк-Кристиан помалкивал, хотя пани Изольда всячески пыталась развлечь его, время от времени останавливая всю компанию, чтобы рассказать об очередной городской достопримечательности. У меня было странное чувство.

Высокие, стройные, длинноногие и элегантные, хорошо одетые, со светлыми шарфами на шее, оттенившим загар на их смуглых с чеканными, почти итальянскими профилями лицах, оба с шапкой темных, прекрасно подстриженных волос, на которых, словно легкий снежок, поблескивала седина, старый барон и Марк казались мне скорее братьями, чем отцом и сыном. Необыкновенные, серо-стальные, почти серебристые глаза старого барона светились каким-то приглушенным мягким светом, его губы улыбались мне; по контрасту, Марк казался очень серьезен, но я была действительно счастлива в эти моменты, счастлива как никогда в жизни, за исключением подобных минут ощущения острого счастья от самого факта своего существования, которые испытали в детстве многие из нас.

Пробродив по городу до обеда, мы вернулись домой, поскольку пани Изольда настаивала на уютном домашнем столе и ее собственных кулинарных способностях. Я мило извинилась перед старым бароном и отправилась помогать ей на кухню. Когда полтора часа спустя на столе вместе с блюдами традиционной латышской кухни появились голубцы, секрет приготовления которых тщательно хранился в нашем семействе и передан мне по наследству от моей бабушки-хохлушки, барон и Марк, уже сидевшие за столом, переглянулись, а после того, как попробовали их, Марк положил вилку и нож на стол и взглянул на меня. Старый барон, опустив голову, молчал.

– Что случилось? – не поняла я. – Я пересолила?

– Хуже, – Марк смотрел на меня. – Это фирменное блюдо моей матери. Никогда раньше я не пробовал ничего подобного. Как тебе это удалось?

– Меня научила этому моя бабка! – сдерживаясь, чтобы не заорать от злости на это постоянное тыканье своей мамой, сказала я. – А ту, в свою очередь, учила ее мама! И вообще, это обычные голубцы, такие вся Россия готовит, не понимаю, что тут особенного!.. только ваше воображение, может быть.

– Это не воображение, – поднял голову старый барон.

Всю ночь мы проговорили с ним о его жене. Он привез с собой целые тома альбомов с фотографиями. Они с баронессой в военном Городе, такие красивые и молодые, молодой барон был очень хорош собой и чем-то даже смахивал на Эгиса; затем – в послевоенном Гамбурге; на каких-то вечеринках; вместе с маленькой дочерью Каролиной, с малышом Марком; и везде, везде это красивое, с улыбкой на губах, но с какой-то непонятной грустью в глазах лицо баронессы, мое лицо! которое скоро будет преследовать меня по ночам.

– Это не может быть простым совпадением, – говорил старый барон. – Поверь мне, деточка, таких совершенных совпадений не бывает. Я думаю, все дело в семье... Я хотел бы больше узнать о твоей бабушке, прабабушке, их семьях. Я намерен провести расследование.

– Боюсь, я не смогу вам помочь, – вздохнула я. – Две мировых, одна гражданская война и революция в России похоже начисто прикончили фамилии моих бабушек и дедушек. Я ничего не знаю о моих предках, за исключением того, что дед моей мамы был белый офицер, воевал против Советской власти, а затем сбежал за границу. С бабулей вообще полный провал. Знаю только, что во время гражданской войны или где-то в районе этого, может быть немного позже, ее семья эмигрировала с Украины на Волгу, в Саратов, потому что здесь были их родственники, и все. А, еще помню, мама рассказывала, что во время войны как-то ночью она застала бабулю за сжиганием в печке каких-то документов, фотографий.

– Имена, фамилии, – поспешно сказал старый барон, доставая блокнот. – Куда именно за границу сбежал твой прадедушка?

– Боюсь, что в Германию, – не удержалась от усмешки я. – По-крайней мере, мама в этом уверена, но доказать не может. Значит, придумывает, как говорит мой отец. Я думаю, что пани Изольда знает об этой части моей семьи лучше, чем я.

– Мы уже говорили с ней об этом, – отмахнулся барон. – Что-нибудь о семье твоей бабушки? Откуда именно из Украины они приехали?

– Не знаю.

– Как это не знаешь? – удивился он.

– Бабушка не говорила, да она, по-моему, сама не помнит, она была еще девчонкой. Она с 1913 г. была самым младшим ребенком в семье.

– Пять-шесть лет, – задумчиво проговорил барон. – Где-нибудь еще у них родственники были?

– В Ленинграде, по-моему, была какая-то родня со стороны бабулиной мамы.

– Сколько детей было в семье?

– Точно не помню. Знаю только одну ее сестру, которая так и живет где-то в деревне под Саратовым, ее старший брат умер, вроде бы была еще сестра, но я не знаю наверняка.

– Кто был самый младший? – задал странный вопрос он.

– Одна из бабулиных кузин. Ее родители погибли или что-то в этом роде, и две девочки, тетя Маруся и ее младшая кузина, жили в семье бабули и последовали за ними в Саратов. Тетя Маруся с того же года, что и бабуля, после второй мировой они с мужем вернулись на Украину, живут в Харькове. А ее младшая кузина то ли потерялась во время переезда, то ли ее забрали потом другие родственники, не помню.

Я так увлеклась семейными преданиями, что не заметила, что в блокнотике уже черкает что-то Марк, а дедуля напряженно смотрит на меня.

– Как звали эту девочку?

– Я не знаю. Бабуля только помнит, что она была такая беленькая и хорошенькая, как куколка, и она ее очень любила, всегда с ней нянчилась и плакала, когда она потерялась. Бабуля всегда говорила, что я похожа на эту ее маленькую сестричку: в их родне все чернявые, а тетя Маруся, эта малышка и я – светленькие. Больше блондинов в семье нет.

– Ты знаешь адрес этой тети Маруси в Харькове? – неожиданно спросила меня пани Изольда.

Я думала, она уже давно спит.

– Он записан где-то у мамы в книжке. Я могу найти его для вас, когда вернусь домой.

На этом мы и закончили выяснение моих семейных связей, поскольку историк из меня по профессии может быть и неплохой, но о своей семье я знаю до постыдного мало: родителей это в свое время не интересовало, а к тому времени, как подросла я, все дедушки-бабушки уже обрели вечный покой.

Напоследок старый барон предложил мне взять на память несколько фотографий его жены или переснять их тут же, в Риге, но я отказалась. Меня страшила сама мысль о том, что фотография этой незнакомой женщины с моим лицом, умершей тридцать лет назад, будет лежать в моей сумочке, словно мне предлагали нарвать цветов со своей собственной могилы. Зато я выбрала две фотографии барона: одну, совсем еще мальчика, в военной форме, красивого, с улыбкой, чем-то похожей на улыбку Эгиса; а другую – военную, в эсесовском офицерском мундире с оборванными погонами, с выражением холодного достоинства на красивом лице, которое унаследовал от него Эгис Ротенбург. Пани Изольда только покачала головой, когда увидела выбранные мной фотографии, но ничего не сказала.

Однако всему на свете приходит конец.

Пришел он и нашему уикенду в Риге. Барон был вынужден вернуться по делам в Гамбург, где у него имелся его родовой замок плюс солидное промышленное дело, а Марк-Кристиан как верный рыцарь своей покойной матери взялся доставить меня домой. Он посадил свой маленький изящный самолетик в аэропорту Москвы и отправился добиваться разрешения сесть в Саратове, но из этого ничего не вышло. Расстроенный, он вернулся обратно с билетом Аэрофлота на рейс Москва – Саратов.

– Мы еще увидимся, – сказал он на прощание. – Мы обязательно увидимся! Не забывай, летом я обещал показать тебе Померанию, мы изъездим Германию вдоль и поперек! Ты приедешь к нам в гости?

– Непременно.

Я, не отрываясь, смотрела ему в лицо. Он стоял в двух шагах от меня, все такой же неотразимый и элегантный даже в темной пилотской куртке, с непокрытой головой. Пока мы говорили, он держал мою руку в своих руках, а потом вдруг прижал мою ладонь к своей щеке.

– Обещай мне одну вещь, – его слова были четкими и быстрыми.

– Да?

– Не торопись выходить замуж за Эгиса Ротенбурга.

– Почему?

Мне нравилось ставить его в такое щекотливое положение, я просто умираю от желания услышать с его уст слова о том, что он сам влюблен в меня и хотел бы быть со мной. Но этого не произошло.

– Что бы ни случилось, – только и сказал он. – Помни, что я всегда готов помочь тебе, ты можешь рассчитывать на меня, целиком и полностью.

Помолчав, я нашла в себе силы сдержанно полюбопытствовать:

– И до какой же степени простирается это целиком и полностью, Марк?

– Не понял, – недоумение прозвучало в его голосе.

– Хорошо, – согласилась я, – Я поясню. Допустим, если для того, чтобы мне помочь, я попрошу тебя на мне жениться, ты сделаешь это?

– Нет, – помедлив, сказал он.

– Ага. Значит, это целиком и полностью имеет какие-то ограничения?

– Я, как ты знаешь, все еще женат.

– Хорошо. Я буду иметь это в виду. В любом случае, спасибо.

Починяясь минутному порыву, не давая ему опомниться, я обхватила руками его плечи, прижалась губами к его губам, и на миг с холодком восторга, поднявшимся изнутри меня, ощутила запах его кожи, вкус его губ. Он даже не пошевелился, хотя я чувствовала, что он весь напрягся, как струна. Мне так хотелось получить от него на прощание поцелуй! Но не могла же я его заставить, в самом деле! Мне оставалось лишь с дурацким видом пролепетать извинение, глупое, банальное, или сделать вид, что это был всего лишь дружеский жест. Бог явно обделил

меня умом – я не могла справиться даже с влюбленными в меня по уши мужчинами. Что уж тут говорить о Марке. Бароне Марке-Кристиане фон Ротенбург.

Я вежливо попрощалась с ним, и, помахав ему на прощание, не оборачиваясь, пошла к стойке регистрации, глотая горькие слезы обиды и разочарования. Но когда я уже готова была присоединиться к очереди пассажиров и мысленно навсегда простилась с ним, я услышала, как он окликнул меня по имени. Я не обернулась, а продолжала стоять, как манекен, пока он, запыхавшись, не приблизился ко мне, выдернул меня из очереди, развернул к себе и стал поцелуями снимать катившиеся по моему лицу слезы, а потом так сильно сжал в объятьях, что мне на секунду показалось, что мои кости слились воедино. Я не понимала слов, которые он торопливо говорил по-немецки, я чувствовала только его дыхание на своих губах, его крепкие руки, и мне хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Но мне надо было лететь домой. И я улетела.

Глава 8

Неделю после этого я не могла прийти в себя. Бродила, как потерянная, по комнатам квартиры родителей, ходила на лекции, в перерывах гуляла с подружками по нашему Ботаническому саду, примыкавшему к университету, ходила в кино с Сережей, а ложась ночью спать, все время думала о Марке. Передо мной стояло его лицо, когда он улыбался, был грустен, когда он смеялся, или хмурился, когда он целовал меня, или внимательно смотрел на меня, когда, по его мнению, я этого не замечала. Моя верная Танечка, видя, что со мной творится что-то неладное, зазвала меня в гости, мы с ней, как полагается, выпили, закусили, и я облегчила свою душу. После этого мне стало как-то веселее.

Дальше события покатались нарастающей лавиной. В понедельник, через три дня после этого, придя домой из института, я увидела у подъезда машину Павлика, брата Ксении. Сам он пил чай в обществе моей мамы. Заметив меня, он отставил чашку, сказал маме спасибо и без долгих разговоров усвдил меня в свой старенький «жигуленок».

– Где тебя только черти носят, – ворчливо сказал он, включая зажигание. – Марк уже два часа ждет тебя в аэропорту, у него самолет скоро.

У меня отпала челюсть.

– Марк? Ты уверен?

– Несмотря на обилие твоих кавалеров, – ехидно сказал он, – я пока еще помню их в лицо. Если я говорю Марк, значит, это Марк. Эгиса бы я назвал Эгисом.

– Тогда какого черта ты стоишь? Поехали скорее!

Он коротко хмыкнул и погнал по оживленным в этот час «пик» вечерним улицам Саратова. В Курумоч мы приехали часов в семь. Я на ходу, пока мы несколько минут стояли в «пробке» на окраине города, позвонила домой маме, чтобы она не беспокоилась обо мне, потому что мы с Павлой и Ксеньей у них дома решаем некие наши общие проблемы, а потом – Ксене, чтобы в случае чего она прикрыла меня. Возле нового здания валютной гостиницы в Курумоче Павел остановился, вылез из машины, нетерпеливо помог выскочить мне, и схватив меня за руку, побежал по ступеням лестницы к входным дверям. Стеклопакеты двери раскрылись перед нами автоматически. Павел на ходу сунул пару долларовых банкнот швейцару и вытянул шею, разглядывая людей в холле.

Но я раньше него заметила высокую стройную фигуру молодого барона фон Ротенбурга, который в сопровождении средних лет поджарого мужчины довольно приятной наружности, спускался по широкой лестнице, в холл. Он словно почувствовал мой взгляд, его глаза скользнули по толпящимся в холле людям и остановились на мне. У меня так застучало сердце, что я не слышала, что мне говорил Павел. Я смотрела на Марка и, умирая от желания броситься ему навстречу и оказаться в его объятьях, но я не знала, как мне себя вести, чтобы не поставить его в неудобное положение. Мои глаза кричали ему о том, как я рада его видеть, и в то же время спрашивали его, как мне себя вести.

Вдруг он улыбнулся. Он улыбается точно как Зигмунт. Ни у кого на свете я не видела такой обаятельной, такой милой улыбки, она как солнечный лучик скользит по его лицу и освещает все вокруг. Он улыбнулся и, сказав что-то мужчине рядом с ним, оставил его и стал быстро спускаться по лестнице нам навстречу. Тогда я тоже, что-то пролепетав Павлу, быстро пошла через холл ему навстречу, а потом, не удержавшись, чуть ли не побежала к нему. Оставив позади лестницу, барон Марк фон Ротенбург тоже, как влюбленный мальчишка, припустил мне навстречу. Мы встретились где-то посередине холла, он подхватил меня на руки, смотрел в лицо и смеялся от радости, а потом, поцеловав, вновь опустил на пол.

За это время его коллега, также успевший пересечь холл, остановился неподалеку, вежливо отведя глаза в сторону.

– Франц, – подозвал его Марк, а когда тот подошел, вместо того, чтобы представить меня, лукаво спросил: – Как ты думаешь, кто это?

– Твоя бывшая жена, – немедленно ответил тот, кого он назвал Францем. – Я видел ее портрет в замке, ее фотографию у тебя на столе и, право слово, не понимаю причин твоего развода.

– Бедный Франц, – барон одной рукой прижал меня к себе.

Но тот уже сам понял, что ляпнул глупость. Нахмутив брови, он настороженно смотрел на меня, словно стараясь что-то вспомнить.

– Ах да, мне говорили, что в замке висит портрет твоей матери? – наконец, неуверенно сказал он. – Черт побери, не хочешь ли ты сказать, что это твоя мать?

Я засмеялась. Тогда Марк представил нас официально.

– Елена, это мой друг и однокурсник по Сорбонне, а теперь и мой адвокат Франц Граазе. А это Елена Замятина, тень моей покойной матери.

– Я заработаю с ним сердечный приступ! – пожаловался мне в ответ Франц. – Ну разве можно так шутить?

Мы забрали Павла и все вчетвером отправились в ресторан, чтобы, по выражению Франца, отметить наше знакомство. После того, как Павел и Франц, посидев немного с нами, тактично сослались на какие-то важные дела и поспешили ретироваться, мы с Марком остались одни.

Некоторое время мы сидели и в молчании смотрели друг на друга.

– Я очень скучал по тебе, – сказал, наконец, Марк.

– Я тоже, – тихо ответила я.

Он немного помедлил, а затем сказал:

– Надеюсь, ты в курсе, что я профессиональный юрист. И именно как юриста отец просил меня разобраться с этим, – Марк положил передо мной папку с подколотыми листами, на которых красовалась немецкая готическая пропись и гербовая печать. – Это копия твоего брачного контракта с Эгисом фон Ротенбургом.

– Правда? – спросила я, глядя только ему в лицо и даже не взглянув на бумаги, которые он мне предлагал.

– Отец просил меня рассмотреть законность этого документа и то, хочешь ли ты расторгнуть его.

Он говорил одно, в то время как его глаза, выражение его лица кричали о другом. Мы просто поддерживали нить разговора, стараясь противостоять той мощной силе, которая влекла нас друг к другу, и которой мы оба, обоженные предшествующим неудачным жизненным опытом, боялись поддаться.

– Что же вы скажете, как юрист, Марк? – одними губами спросила я.

– Документ не соответствует всем установленным правилам. Возможно, он приемлем для России, но будет довольно просто опротестовать его и расторгнуть этот брак в Германии. По твоему желанию, Елена. Это то, что я могу сказать как юрист. Но, помимо этого, я еще мужчина, который влюблен. Мой развод состоится через полгода, 15 мая. Это формальная процедура. Мы не живем вместе уже почти двадцать лет, она получит хорошее содержание, она согласна со всем. Так что никаких затруднений не будет... Могу ли я, – его темно-синие глаза сузились, и я видела только их блеск из-под полуопущенных длинных темных ресниц. – Могу ли я узнать у фройлян одну вещь?

– Можете, – милостливо согласилась я.

– Могу ли я рассчитывать, что фройлян пойдет со мной к алтарю шестнадцатого мая?

Меня захлестнула огромная волна радости, бесконечного слепящего счастья, сквозь которое я со слезами на глазах видела его обеспокоенное лицо.

– Ты плачешь?

– Нет. Просто до шестнадцатого мая еще так далеко!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.